

АФОРИЗМЫ СТАРОГО КИТАЯ

АФОРИЗМЫ СТАРОГО КИТАЯ

Перевод с китайского
В.В. МАЛЯВИНА

Издание второе,
исправленное

Москва

«НАУКА»

Главная редакция восточной литературы

1991

**ББК. 84.35(5Кит)
А94**

**Ответственный редактор
И.С. ЛИСЕВИЧ**

**Составление, вступительная статья
и примечания**

В.В. МАЛЯВИНА

**А94 Афоризмы старого Китая. Изд. 2-е, испр. — М.:
Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991.—
79 с.**

ISBN 5-02-017274-X

В книгу вошли частичные переводы памятников китайской афористики, принадлежащих основным течениям китайской мысли, в том числе избранные изречения Конфуция, афоризмы из даосской книги "Гуань Инь-цзы", сентенции, относящиеся к традиции чань-буддизма, и афоризмы из сборника Хун Цзычэна «Вкус корней». Во вступительной статье рассматривается значение афоризма в истории китайской культуры.

А 4703020200- 076

013(02)- 91

Без объявления

ББК.84.35(5Кит)

ISBN 5-02-017274-X

**© В.В. Малявин (перевод, составление,
вступительная статья, примечания),
1991**

ЯЗЫК СЕРДЦА: АФОРИЗМ И КИТАЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Мудрое восточное изречение...

Что может быть более привычного, стереотипного, общепризнанного в наших представлениях о культурном наследии Востока? Что может быть в этом наследии более чаемого, более ожидаемого нами, даже если наши ожидания оправдываются не так уж часто? Есть в восточных афоризмах, в нашем идеальном образе «восточного афоризма» особая, неотразимо-пленительная магия. Не оттого ли мы почти не задумываемся над природой афористической формы выражения мыслей, над местом и значением афористики в культурах стран Востока?

А между тем афоризм способен многое поведать о происхождении и призвании словесности, об отношении литературы к жизни. Ведь афористику по праву можно назвать искусством жизненной правды. В афоризмах жизнь еще не заслонена отвлеченными идеями, принципами или законами; в них она сверкает и переливается бесконечно разнообразной мозаикой лиц, ситуаций, точек зрения, в них находят подтверждение самые общие и самые непосредственные, не поддающиеся формализации ценности человеческого бытия. И афоризм так же убедителен, как может быть убедительно только приходящее внезапно, но извечно предвкушаемое и оттого даже не нуждающееся в доказательствах сознание того, что жизнь реальна и что в ней есть, как выразился китайский литератор, «нечто подлинное».

Быть может, в загадке афористической мудрости — всегда странно-знакомой, хранящей в себе целостное видение мира и никогда не повторяющейся — отображена загадка самой жизни: вечно новой и неизбывной, равно достижимой для всех и столь же для всех неуловимой, самодостаточной и безграничной в каждом мгновении своего бытия.

Афоризм, соединяя в себе воображение и рефлексию, правдивость и игру, возвращает нашу мысль к глубочайшим истокам выразительного акта, к непостижимому и все же доверительному переживанию полноты бытия, которое составляет тайну творческой жизни духа.

Афористическая словесность имеет глубокие корни в классической культуре Китая. Примечательно, что наследие первого и наиболее чтимого китайского философа — Конфуция состоит из отдельных афористически сжатых высказываний. Заслуженной славой пользуются поэтически парадок-

сальные изречения древних даосских мыслителей — Лао-цзы и Чжуан-цзы. Но не менее примечателен и тот факт, что литературная и философская традиция Китая также нашла в афоризме свое завершение, и афористика, приобретшая необыкновенную популярность в Китае XVI—XVIII вв., стала последним и самым зрелым словом китайской классической словесности.

Первыми в этом небольшом сборнике помещены избранные афоризмы основоположника китайской традиции — Конфуция (551—479 гг. до н.э.). Они взяты из книги «Беседы и суждения», где собраны различные высказывания Первого Учителя Китая и его ближайших учеников. Конфуций видел смысл и радость жизни в учении, в неустанном усилии самосовершенствования, «выправления себя», а примерами этого нескончаемого процесса учения и воспитания, раскрытия всех способностей человека служили, по его мысли, добродетельные мужи прежних времен.

Скромные, трезвые, практичные, как инструмент мастера, изречения Конфуция обращены к тем, кто живет внутренней, самодостаточной, не нуждающейся в наградах работой духа. Они проникнуты верой в добрую волю человека, в единение разума и жизни и в торжество культурного начала в человеке, которое в своей основе как раз и есть жизнь, пронизанная сознанием и сознательно прожитая. Конфуций верил в изначальную осмысленность жизни, потому-то он более всего чурался крикливых фраз и вызывающих поступков. Он не стремился блеснуть ни остроумием, ни глубиной умозрения. На то он и мудрец, на то он и великий учитель, чтобы в своем наследии слить неразделимо учение и жизнь, чтобы мерой величия человека считать не ум его, не талант и даже не заслуги, а вечно живое в его жизни, способность снова и снова возвращаться в мир с каждым мгновением сознательного и одухотворенного существования — единственного, делающего человека человеком.

Вслед за афоризмами Конфуция читатели познакомятся с изречениями из книги «Гуань Инь-цзы» — характерного памятника философской и литературной традиции даосизма. Эта книга появилась, вероятно, в X в. и состоит из отдельных суждений, столь же фрагментарных, сколь и законченных. В целом «Гуань Инь-цзы» по отображенному в нем складу мышления наследует миросозерцанию древних даосов. Как и в книгах даосских авторов древнего Китая, мы встречаем здесь органическое единство чувства и мысли: присутствующие в тексте образы требуют размышлений, а, казалось бы, сугубо умозрительные выводы будят фантазию. Творчество неизвестного автора этого непритязательно-возвышенного сочинения проистекает из чистого покоя внесубъективного сознания, которое не замыкается в себе, но чутко внемяет бытию, ищет живой и интимной связи с миром. В афоризмах «Гуань Инь-цзы» засвидетельствован опыт, говоря языком даосов, «само-помрачающегося» разума, который сознает свою несводимость к данным опытам или умозрения, но выявляет бесконечную перспективу посредования того и другого. Это разум, удостоверяющий себя в акте самопреодоления и потому повинующийся властному требованию никогда не повторяться, всегда быть открытым новому. Вот почему верность философской позиции древних даосских мыслителей отнюдь не мешает автору «Гуань Инь-цзы» представлять ее в новом, зачастую неожиданном свете, вводить и обыгрывать новые образы,

термины и сюжеты. Речь идет, в сущности, о верности не букве и даже не идеям, а посылкам и интуициям традиционного наследия.

Даосская традиция немало повлияла на формирование учения чань-буддизма — одного из самых популярных толков буддийской традиции Китая. К числу классических чаньских памятников относится помещенный здесь сборник «Лес чаньских изречений», составленный в XV в. в Японии, но целиком состоящий из высказываний китайских наставников и поэтов. Учителя чань исходили из кардинальной буддийской идеи о том, что истина находится вне всяких противопоставлений, в том числе вне оппозиции истинного и ложного, и что она открывается вся целиком, без видимой подготовки в момент «внезапного озарения» (дунь у). Всякие же словопрепления о правде бесплодны. Подобно изречениям даосов, заслужившим прозвище «безумных речей», чаньские афоризмы полны парадоксов, а порой шокируют откровенной бессмыслицей. Их назначение — не сообщать о чем-либо, а выявлять границы нашего понимания, которые невозможно преодолеть, не изменив сам способ своего существования. В них разыгрывается первозданная, недоступная концептуализации драма испытания человеком абсолютной неопределенности своего бытия, открытия им безграничного поля опыта. Чаньская (как и даосская) словесность — это стихия чистой игры, где неопределенность человеческого существования испытывается неопределенностью бытия «мира в целом». Такая игра, где каждое мгновение решается вопрос жизни и смерти, но не дано выбирать между бытием и небытием, где, в сущности, никто не играет и ничего не разыгрывается, осознавалась в китайской традиции как подлинный источник человеческого творчества. Среди последователей чань вошли в моду отрывистые, ломанные диалоги, в которых каждое высказывание застает собеседника врасплох и требует от него произвольной, лишь интуицией подсказываемой точности ответа. И каждый новый поворот в этом причудливом лабиринте фрагментов истины напоминает о том, что жить — значит рисковать; каждое слово в нем встает перед нами как решающее испытание, именно «застава», через которую невозможно пробиться и нельзя не пробиться. Умение сказать как можно короче и выразительнее, «сказать, как отрезать», ценилось чрезвычайно высоко среди приверженцев чань и породило множество литературных опытов такого рода. Тот, кто говорит «одним словом», сообщает слову выразительность жеста. Уплотнять речь — значит превращать речь в плоть. Это значит открывать предысторию языка и мысли, кроющуюся в телесной практике и скрываемую интеллектуалистскими образами языка. Интеллект очерчивает сферу знания и выражения. Призвание же тела — поедание, поглощение, самосокрытие, отчего кожа, одежда, всяческий покров суть необходимейшие его атрибуты. Телесная интуиция предваряет рациональное мышление, и миссия мудрого, по словам даосов, состоит в том, чтобы «хранить», «охранять» единство бытия, т.е. изначальный, еще ничейный опыт целостности сущего до дуализма, вносимого в мир субъективистским сознанием.

Предлагаемую читателю подборку публикаций завершают переводы изречений, принадлежащих светским авторам XVI—XVII вв. Наибольший интерес среди них представляет сборник «Вкус корней», составленный в начале XVII в. почти неизвестным литератором Хун Цзычэном. Афоризмы Хун Цзычэна и его современников — знамение новой эпохи истории китайской

культуры. И не только потому, что жанр афоризма, получивший название «чистых речений» (цинъянь), именно в то время вошел в моду. Важнее отметить, что в Китае окончательное становление афоризма как литературной формы совпало с вызревaniem нового, небывало широкого по своим масштабам и социальной значимости культурного синтеза. В рамках этого синтеза три традиционных учения Китая — конфуцианство, даосизм и буддизм — оказались частями некоего целостного мирозерцания, разными моментами единой жизненной позиции.

В книге Хун Цзычэна мы встречаем очевидные приметы позднесредневекового этапа истории китайской культуры. Ее автор называл себя «монахом в миру» — весьма характерное прозвище для эпохи культурного синкретизма и секуляризации религиозных идеалов. В духе своего времени он с одинаковой симпатией и притом не совершая усилий над собой относится к традиционным «трем учениям» Китая — конфуцианству, буддизму и даосизму. Их союз кажется ему естественным и очевидным. Но он имеет возможность свободно черпать из традиционных источников потому, что внутренне он свободен от них. Для Хун Цзычэна — и в этом он тоже является достойным представителем своего времени — человек становится хозяином своей судьбы благодаря его неутолимой жажде истины, его способности самому судить себя, которые существуют в нем прежде всяких доктрин и останутся с ним, когда все доктрины пройдут. Бесспорно, имеется тесная связь между усилением индивидуалистического элемента в культуре позднесредневекового Китая и оформлением афоризма как эстетически значимого явления, как жанра изящной словесности. Почти музыкальная стройность китайских афоризмов того времени, к сожалению, с неизбежностью часто теряемая в переводе, проистекает из умения их авторов не просто писать, но и жить поэтически, видеть свою жизнь тем самым неуловимо-прекрасным мгновением, о котором говорится в первом же афоризме Хун Цзычэна. А что такое поэзия, как не опыт сознания бодрствующего, т.е. сознания, внимающего потоку жизни и удостоверяющего свое бытие именно в неспособности ограничить себя какой бы то ни было «данностью»?

Так афоризмы Китая говорят о глубочайшей истине традиции: единстве единичного и единого. Это истина со-общительности — неотделимая от конкретного момента времени, но соединяющая людей безусловной и нерасторжимой связью. Она каждое мгновение соотносит нас с чем-то «вечно другим» и так оправдывает присутствие в нас Желания — этого вестника бесконечного в человеческой душе. Самое долговечное в человеке — не обязательно самое универсальное. Долговечна не абстрактная истина, а искренность чувства, не данная человеку как случайный подарок судьбы, а бесконечно долго предвосхищаемая, приготовляемая и потому неизбывная. *Was bleibt aber, stiften die Dichter*, говорил Гёльдерлин: «То, что остается, устанавливают поэты». Что же остается? Очевидно, только неочевидное: то, что пребывает за рамками наличного, доступного, понятного и понятого. Знание «того, что остается», пожалуй, едва ли даже отличимо от незнания. Поэтому нельзя думать, что мы сообщаемся с другими вопреки разделяющему нас расстоянию. На самом деле коммуникация только и осуществляется через бесконечную даль пространства и безнадежную пропасть времени. И традиция всегда предстает перед нами как нечто «уже

бывшее» лишь потому, что требует постижения безграничного поля опыта. Она дается прежде всего, а познается после всего. Традиция — это связь времен, где незапамятное прошлое смыкается с невообразимым будущим; это нескончаемый путь сердца, а афоризмы — вехи, его отмечающие.

Мы никогда не поймем пристрастия китайцев к «мудрости древних», если не примем во внимание, что милая их сердцу старина, зачастую вполне анонимная и даже неведомая, сведенная к неосвязаемому «аромату древности», была для всех поколений китайских литераторов и художников прообразом того самого «вечно другого», которое является необходимым и вездесущим условием самопознания. Эта недостижимая, неразгаданно-торжественная древность несводима к историческому факту. Она предстает, если воспользоваться выражением французского философа Э. Левинаса, «прошлым, которое никогда не было настоящим», но — по той же самой причине — вечно пребывает. Не ученического самоподобления древним авторитетам искал китайский художник, обращаясь к «древности», но, напротив, приобщенности к всеединству жизни через осознание своего отличия от древних. Эстетический опыт был для него мерой этического, художественное совершенство — средством обучения и воспитания.

Правда со-общительности является законом творческой жизни и одновременно законом бытования традиции. Она дарует прозрение нового и позволяет сохранить преемственность даже в разрывах, формирующих человеческий опыт. Она побуждает к эксперименту, к выходу за горизонты настоящего, но она открывает в настоящем нечто настоящее, нечто, вовек остающееся с человеком. Вот почему идеальное или универсальное остроумие — чистейшая химера. И даже если бы оно существовало, на него никто бы не покусился, ведь им без труда мог бы завладеть каждый. Но иметь ум «как у всех», — все равно что носить одежду «как у всех». Случись такое, остроумие потеряло бы всякую цену. В отличие от эклектических собраний «мудрых слов», где человеческие мысли предстают оторванными от индивидуального и культурного опыта, взрастившего их, и расставлены по отвлеченным рубрикам, словно засушенные цветы в гербарии, эта книга преследует цель показать не только цветы мысли, но и почву, на которой произрастает жизнеспособная мысль, т.е. мысль, родившаяся в один неповторимый миг бытия и стремящаяся осмыслить уникальное в себе. Что же это за почва? Китайская традиция дает краткий и точный ответ: такой почвой является дао, что значит буквально «путь». Любопытно, что в классическом китайском языке это слово обозначает одновременно пребывание в пути и словесное сообщение. Дао — это и движение человеческого духа, и его самосвидетельствование, возможное лишь там, где человек доверяет себе и, следовательно, требующее искренности. Дао есть сам акт произрастания и про-из-речения человека, в котором человек сам себя превосходит и себя познает, сам живет и сам оценивает свою жизнь. Путь нельзя свести к отвлеченной идее, его нужно пройти воистину. И итог пути, каким бы он ни был, ничего не перечеркнет из пройденного.

Мы заговорили о постижении предельности вещей, но предельность — существенное свойство афоризма. Недаром само слово «афоризм» по-гречески выражало идею «очерчивания границы», «установления предела». Афоризм отмечает рубежи нашего опыта; он говорит о том, что в любой

момент является уже заданным нам, хранит в себе некий предваряющий наше понимание смысл. Он выражает своего рода центристский ход мысли и обладает смысловой законченностью, которая воздействует скорее эстетически. И в европейской, и в восточной афористике подобный импульс стяжения в точку обычно воспроизводится средствами синонимического параллелизма, как бы возвращающего мысль к одной неизреченной идее. Афоризм не спорит, а утверждает. И вечно возвращает к предвечному.

По мнению испанского философа Х. Мариаса, «афоризм — ложный путь философского высказывания; он искусственно самостоятелен и является собой устранение реальных связей. Когда я изрекаю афоризм, я никогда не поясню, почему я так говорю». Мышление, заключает Х. Мариас, «не может продолжаться афоризмами». Сама по себе оппозиция истинности и ложности едва ли применима к афоризму. Но афоризм действительно знаменует конец размышления; он очерчивает границу познанного, ставит мысль перед бездной не-мыслимого, укореняет слово в неизреченном. Мышление афоризмами есть акт повторения неповторяемого, цепь уникально-законченных моментов, или, что то же самое, постижение безусловного единства бытия, предстающего пределом всех форм.

Афоризм завязывает «цепь мыслей» в узел. Не нуждающийся в доказательствах, он отсылает не к другому суждению, а к смыслу, схороненному в нем самом. Этот смысл есть некое единение, смешение слова и молчания, мысли и немыслимого, наличного и отсутствующего. Другими словами, «смысл» афоризма есть именно со-мыслие, встреча разных планов бытия, несовместимых значений. Смысл способен ускользнуть из того, что мнится нам совершенно ясным, но он манит к себе даже в бессмыслице. И чем меньше мы тратим слов, тем больше можем сказать. О неисповедимых путях смысла сообщают слова древнего даосского философа Чжуан-цзы:

Говоришь всю жизнь — и ничего не скажешь.

За всю жизнь не произнесешь ни слова — и все выскажешь.

Афоризм никогда не есть лишь данность. Он хранит в себе произрастание, самотрансформацию мысли, выявляющие границы понятий. Читая афоризмы, мы видим в тексте не идеи и сущности, а семена и силы. Афоризм всегда — *tour de force*. Но его энергетический импульс носит характер отклика на предвечное Присутствие бытия, возврата к тому, что всегда «уже есть», но неизменно предстает как «другое». Афоризм неизбежно иносказателен: в нем именуется нечто такое, что вовек отсутствует, и, однако, не является самостоятельной сущностью, которую можно назвать или определить. Китайская традиция исходила из отмеченной выше внутренней прерывности смысла и обращалась к некоему первичному пониманию, которое не может быть выражено в понятиях, но косвенно удостоверяется самим фактом нашего мышления и дает нам знать о сокровенной жизни «сердца Неба и Земли».

Понимание интуитивное, неформализуемое и понимание объективированное, логически упорядоченное, понимание предваряющее и понимание представленное едины и не едины, друг друга определяют и поддерживают. Их двуединство многое объясняет в совпадении краткости и полноты, присутствующим литературным средствам традиционных культур, в частности китайской. В его свете уже нетрудно понять, почему человеческий интеллект не считался в

этих культурах суверенным творцом и распорядителем смысла, ведь, согласно законам традиции, любая попытка что-то обозначить предполагает существование чего-то необозначаемого. Назначение письменной традиции — устанавливать присутствие имплицитного, предваряющего субъективный опыт и потому необъективируемого понимания. В китайской традиции мы действительно находим оппозиции так называемого «первичного» (сянь цзюэ) и «вторичного» (хоу цзюэ) осознания. Не менее примечателен термин «старое сознание» (лао синь). О том же безусловном Понимании, объемлющем все смыслы, которые может зафиксировать человеческий разум, говорится в конце книги Умэня:

Прежде чем сделать первый шаг, ты уже у цели.

Прежде чем открыть рот, ты уже все сказал.

Прозрение приходит прежде, чем успеешь понять...

Традиция требует признать, что всякое непонимание есть в действительности не-допонимание. Если, согласно китайской традиции, мы в любой момент «уже знаем», то мыслить и обозначать — значит всего лишь проводить межи в необозримом поле посредования смысла, т.е., по существу, проводить границы внутри предельности, ограничение, если угодно, — писать «белым по белому». В таком письме все диктуется законом экономии выражения: чем меньше будет сфера условного, объективированного смысла, тем больше простора высвободится для смысла как открытости бытия. Традиция — это строжайшая школа, которая служит высвобождению всего сущего. И чем менее традиционалистский художник стремится выразить себя, тем долговечнее его творения при условии, разумеется, сохранения памяти (т.е. памяти не-памяти!) бытийственных корней искусства. Ибо в таких культурах, где предельность форм непосредственно запечатлена в каноне школы или даже общего стиля культуры и индивидуальное почти совпадает с родовым, все решает не личная оригинальность, а отношение к традиции, имеющее целью постижение или, лучше еказать, высвобождение общего для всех первичного понимания. Речь идет об опыте, который недоступен выражению, но лишь потому, что не может быть сокрыт, ведь он знаменует не что иное, как безусловную открытость знанию бытия, не-мыслимую встречу «отсутствующего с отсутствующим».

Измумление, рождаемое новаторством истинного мастера, проистекает в конечном счете не просто из парадоксального сопряжения образов, из чего-то нового лишь по видимости, но из некоей глубины смысла, которая раскрывается как отрицание исходных посылок творчества. Художник преодолевает себя в своих произведениях. Чувство границы — вот что отличает его новаторство от новизны, скажем, бреда сумасшедшего. Перспектива взаимопереходов, извечного мерцания смысла и есть та неведомая форма, по отношению к которой только и имеет смысл новизна художественного творчества. В соотнесенности с этой всеобъемлюще-пустотной формой произведение искусства становится интимно понятным нам, даже если все в нем для нас незнакомо, и мы не можем ограничить его интимное понимание в понятии. Вот и афоризм, называя одно, говорит о другом и, указывая на частности, высвечивает целое. Поистине он учит, что, говоря словами Ницше, «каждая философия еще и скрывает в себе философию, каждое мнение еще и укрытие, каждое слово еще и маска». Поэтому усвоение

традиции предполагает доверие, каковое является не иррациональной верой, а скорее доверительным вниманием к интимно-неведомой реальности, предваряющей и веру и знание. Непройденный и непроходимый, несказанный и несказанный Великий Путь был для наследников традиции в Китае в высшей степени надежным (если иметь в виду, что надежное происходит от надежды).

Многозначительная недосказанность афористического высказывания не столько сообщает о чем-то, сколько со-общает синым взглядом на вещи. Как фрагмент, афоризм ценен и значим лишь в его соотнесенности с целым, со средой, его породившей. Мы не поймем значения категории предельности в афористике, пока будем думать, что афоризм служит лишь самовыражению его автора. Действительная основа афоризма — сотворчество в обыгрывании неизреченной темы, что не только не исключает, но и предполагает свободу проявлений индивидуальности. «Искусственная самостоятельность» афоризма имеет своей основой отклик мысли немыслимому, неформулируемое условие диалога. Она подобна условно выбранной позиции собеседника в споре. Она сродни той необычайности, непохожести на нас, которую мы ценим в наших друзьях.

Один из самых полезных уроков, который можно извлечь из размышлений об афоризмах, состоит в признании невозможности существования некоего универсального, показательного для всех времен и народов афоризма.

Чему же учат моралисты старого Китая? Они учат тому, чему нельзя ни научить, ни научиться и притом в двух смыслах: во-первых, потому, что они говорят о чем-то «вечно другом», недостижимом, несбываемом — о смерти в жизни, о пробуждении во сне; во-вторых, потому, что они говорят о чем-то, имеющем чисто практическую ценность и сполна данным каждому, о здоровом чувствовании океана всегда юной жизни — чувствовании радостном, поскольку в нем открывается неуничтожимость бытия, и печальном, ибо оно дается ценой познания неотвратимости утраты.

Единственная мораль, которую можно извлечь из чтения китайских моралистов, — это понимание ценности безмолвия, никогда не повторяющегося, но одного на все времена.

Ни о чем не нужно говорить,
Ничему не следует учить,
И печальна так и хороша
Темная звериная душа:
Ничему не хочет научить,
Не умеет вовсе говорить
И плывет дельфином молодым
По седым пучинам мировым.

В этом странном, но точном в своей странности прозрении поэта могут вызвать неверные ассоциации лишь слова о «звериной душе». Их нельзя считать даже невольной данью банальному мифу человека-зверя. Сдержанная, вдумчивая интонация этих строк внушена органическим чувством гармонии и меры. Перед нами метафорическое — по существу, единственно возможное — обозначение всеединства Хаоса, который существует прежде

всего субъективистично-очеловеченного в человеке и к которому человек возвращается, когда он перерастает сам себя.

Стихи Мандельштама неожиданно перекликаются с заключительным афоризмом Хун Цзычэна, где жизнь сравнивается с вольным и все же требующим упорства плаванием в океане жизни. Случайное совпадение? Может быть. И все же не совсем случайное. Привольное самопревращение, потаенное скольжение в пространстве граничности — вот окончательная и вечно незавершенная правда человеческого существования, которая говорит о себе поверх всех различий языков, культур и мировоззрений. Но эта правда всегда «другая», всегда открывающаяся неожиданно, сколько ни думать о ней.

Путь в водном просторе — это путь ниоткуда и никуда. Его начало и конец сходятся в каждом его мгновении, ведь в океане нет ничего, что не присутствовало бы в каждой его капле. Идущий этим неведомым путем постигает беспредельность океана в изменчивой ряби его вод.

Непроизвольно-затейливая россыпь моментов бытия, череда ускользающих нюансов, которая со-общает с непостижимо-сложной геометрией Хаоса: в этой недостижимой конкретности длящегося отсутствия, мире плутонов и бесконечно малых градаций, где эстетический опыт самодостаточности каждого момента бытия неотличим от незыблемого покоя созерцания «мира в целом», стремление к совершенству не имеет конечного результата. Оно напоминает путешествие, в котором созерцание открывающихся перед нами картин заставляет нас забыть о цели пути. В литературе, воссоздающей эту бесконечно дробящуюся мозаику Хаоса, мы словно натыкаемся, нападаем на слова, т.е. именно падаем на слова, внезапно открывая их самодостаточность, их эстетическое качество. Такова чисто китайская любовь к совершенствованию ради самого совершенствования и превыше всего к декоративной стороне дела, как будто декорум сам себя оправдывает. В этом отсутствии целеполагания, кажется, нет особенного смысла? Но оно, по китайским понятиям, свидетельствует о том совершенном, чистом наслаждении, которое способна доставлять только игра, открывающая беспредельное в неизменно-предельном.

Видна ли эта игра? И кто видит ее? «Достаточно, если слова выражают смысл». В этой удивительно емкой сентенции Конфуция уже намечена вся программа афористического слова в китайской традиции: слова умудренно сдержанного, лишённого риторических излишеств и потому призванного не столько выражать, сколько укрывать, «хранить в целостности» полноту жизни духа; слова как тень или след, возвращающего к естественной речевой стихии, которая так же не поддается воздействию извне, как тень и след матерьяльного предмета. Еще Конфуций заявлял, что истина всегда «рядом с нами» и даже самый долгий путь нужно пройти «шаг за шагом». Даосский мудрец «говорит, как придется». В свою очередь чаньские наставники советовали: «Хочется есть — ешь. Хочется спать — спи. Превыше всего не поддавайся суете».

Легко принять китайскую афористику за собрание трюизмов житейской мудрости. Трудно увидеть в ней достовернейший язык событий. И не просто событий, а пресуществления жизни в высшее качество. Мы прочитываем в китайских афоризмах следы безупречного действия, которое мгновенно

превосходит самое себя, рассеивается в необозримо-пустотной среде всего сущего и внушает откровение предельной целостности мира — Великой Пустоты. Главное свойство китайского мудреца — прозрачность: небесная бездна светится сквозь него.

Вопрос понимания — это в конце концов вопрос о том, сколько может вместить в себя человек. А он рано или поздно может, словно небосвод, объять собой все. Человек идет к небу.

В.В. Малявин

АФОРИЗМЫ КОНФУЦИЯ

Учиться и, когда придет время, прикладывать усвоенное к делу — разве это не прекрасно! Беседовать с другом, приехавшим издалека, — разве это не радостно! Не быть по достоинству оцененным светом и не таить обиду — разве это не возвышенно!

Тот, кто красиво говорит и обладает привлекательной наружностью, редко бывает истинно человечен.

Благородный муж не стремится есть досыта и жить богато. Он поспешает в делах, но медлит в речах. Общаясь с людьми добродетельными, он исправляет себя. Вот о таком человеке можно сказать, что он предан учению.

Почтительный сын — это тот, кто огорчает отца и мать разве что своей болезнью.

Учитель сказал: «Благородный муж — не орудие».

Тот, кто, обращаясь к старому, способен открывать новое, достоин быть учителем.

Тот, кто учится не размышляя, впадет в заблуждение. Тот, кто размышляет, не желая учиться, окажется в затруднении.

Человек, лишенный человечности, не будет находиться долго в стесненных обстоятельствах, но он также не будет долго пребывать в праздности.

Только истинно человеческий человек способен и любить, и ненавидеть.

Ученый, ищущий истину, но стыдящийся бедной одежды и грубой пищи! О чем тут еще говорить!

Не беспокойся о том, что у тебя нет высокого чина. Беспокойся о том, достоин ли ты того, чтобы иметь высокий чин. Не беспокойся о том, что тебя не знают. Беспокойся о том, достоин ли ты того, чтобы тебя знали.

Утром познав истину, вечером можно умереть.

Благородный муж думает о должном. Низкий человек думает о том, что выгодно.

При встрече с достойным человеком думай о том, как сравняться с ним. Встречаясь с низким человеком, присматривайся к самому себе и сам себя суди.

Служа отцу с матерью, увещивайте их как можно мягче. Если ваши советы не возымеют действия, будьте по-прежнему почтительны и смиренны. Даже если вы раздосадованы в душе, не выказывайте своего недовольства.

Люди в древности не любили много говорить. Они считали позором для себя не поспеть за собственными словами.

Добродетель не останется в одиночестве. У нее обязательно найдутся соседи.

Учитель сказал: «Мое дело, кажется, безнадежно. Я еще не встречал человека, который, зная о своих ошибках, признал бы свою вину перед самим собой».

Учитель сказал: «В любом селении из десяти домов найдется человек, который не уступит мне в добродетели. Но никто не сравнится со мной в любви к учению».

Если будешь чрезмерно усерден на службе, потеряешь расположение государя. Если будешь чрезмерно баловным в дружбе, потеряешь расположение друзей.

Если в человеке естество затмит воспитанность, получится дикарь, а если воспитанность затмит естество, получится знаток писаний. Лишь тот, в ком естество и воспитанность пребывают в равновесии, может считаться достойным мужем.

Истинно человеческий муж добивается всего собственными усилиями.

Учитель сказал: «Мудрый муж радуется водам, человеческий муж радуется горам. Мудрый деятелен, человеческий покоен. Мудрые радуются жизни, человеческие живут долго».

Учитель сказал: «Я передаю, а не сочиняю. Я верю в древность и люблю ее».

Расширять познания, не хвастаясь перед другими; прилежно учиться, не чувствуя усталости; наставлять других, не зная разочарований, — все это дается мне без труда.

Я поставил своей целью правду, сделал своим помощником добродетель, нашел себе опору в человечности и обрел свое отдохновение в искусствах.

Давай наставления только тому, кто ищет знаний, обнаружив свое невежество. Оказывай помощь только тому, кто не умеет внятно высказать свои заветные думы. Обучай только того, кто способен, узнав про один угол квадрата, представить себе остальные три.

Учитель сказал: «Есть грубую пищу и пить ключевую воду, спать, положив голову на собственный локоть, — во всем этом есть своя радость. А несправедливо приобретенное богатство и знатность для меня — что плывущие облака!»

Даже в обществе двух человек я непременно найду, чему у них поучиться. Достоинствам их я постараюсь подражать, а на их недостатках сам буду учиться.

Учитель сказал: «Ученики мои! Думаете ли вы, что я что-то скрываю от вас? Нет, я ничего от вас не прячу. Я говорю лишь то, что вам самим должно быть ведомо».

Разве истинная человечность далеко от нас? Стоит возжелать ее, и она тут же окажется рядом!

Почтительность без знания должного превращается в самоистязание. Осторожность без знания должного превращается в трусость. Храбрость без знания должного превращается в безрассудство. Прямотуше без знания должного превращается в грубость. Если государь чтит родителей, то и простой люд будет человечным. Если господин не забывает старых друзей, то и слуги его не будут бездушными.

Достойный человек не может не обладать широтой познаний и твердостью духа. Его ноша тяжела, а путь его долог. Человечность — вот ноша, которую несет он: разве не тяжела она? Только смерть завершает его путь: разве не долог он?

Нелегко встретить человека, который, отдав учению три года жизни, не мечтал бы занять высокий пост.

Учитель сказал: «Я еще не встречал человека, который любил бы добродетель так, как любят женскую красу».

Стоя на берегу реки, Учитель сказал: «Все уходит, как эти воды, всякий день и всякую ночь».

Воистину, на свете есть и травы, не дающие цветов, и цветы, не дающие плодов!

Лишь когда приходят холода, становится ясно, что сосны и кипарисы последними теряют свой убор.

Мудрый не знает волнений, человечный не знает забот, смелый не знает страха.

Ученик Цзы-Лу спросил о том, как чтить духов. Учитель сказал: «Ты еще не умеешь служить людям, как же ты сможешь служить духам?» Тогда ученик спросил о том, что такое смерть. Учитель сказал: «Ты еще не знаешь, что такое жизнь, как же ты сможешь знать, что такое смерть?»

Превозмогать себя и возвращаться к должному в себе — вот что такое истинная человечность. Быть человечным или не быть — это зависит только от нас самих.

Будучи вне дома, держите себя так, словно вы принимаете почетных гостей. Пользуясь услугами людей, ведите себя так, словно свершаете торжественный обряд. Не делайте другим того, чего себе не пожелаете. Тогда ни в государстве, ни в семье не будет недовольства.

Благородный муж помогает людям увидеть то, что есть в них доброго, и не учит людей видеть то, что есть в них дурного. А низкий человек поступает наоборот.

В отношениях с друзьями советуй им делать лишь то, что они способны сделать, и веди их к добру, не нарушая приличий, но не пытайся действовать там, где нет надежды на успех. Не ставь себя в унижительное положение.

Если сам прям, то всё исполнят и без приказанья. А если сам не прям, то слушаться не будут, даже если им прикажут.

Если человек тверд, решителен, прост и несловоохотлив, то он уже близок к человечности.

Посылать людей на войну необученными — значит предавать их.

Благородный муж, привязанный к домашнему уюту, не достоин зваться таковым.

В древности люди учились для того, чтобы совершенствовать себя. Нынче учатся для того, чтобы удивить других.

Некто спросил: «Правильно ли говорят, что за зло нужно платить добром?» Учитель сказал: «А чем же тогда платить за добро? За зло надо платить по справедливости, а за добро — добром».

Самые достойные мужи избежали оков целого света, за ними шли те, которые избежали привязанности к определенному месту, за ними — те, которые избежали соблазнов плоти, за ними — те, которые смогли избежать злословия.

Благородный муж стойко переносит беды. А низкий человек в беде распускается.

Единственная настоящая ошибка — не исправлять своих прошлых ошибок.

Не поговорить с человеком, который достоин разговора, — значит потерять человека. А говорить с человеком, который разговора не достоин, — значит терять слова. Мудрый не теряет ни людей, ни слов.

Того, кто не задумывается о далеких трудностях, непременно поджидают близкие неприятности.

Будьте строги к себе и мягки к другим. Так вы оградите себя от людской неприязни.

Благородный муж знает о своем превосходстве, но избегает соперничества. Он ладит со всеми, но ни с кем не вступает в сговор.

Изошренные слова губят добродетель. Несдержанность в мелочах погубит великое дело.

Человек расширяет Путь, а не Путь расширяет человека.

Однажды я провел в размышлениях целый день без еды и целую ночь без сна, но я ничего не добился. Было бы лучше посвятить то время учению.

Достаточно, чтобы слова выражали смысл.

Благородный муж в своей жизни должен остерегаться трех вещей: в юности, когда жизненные силы обильны, остерегаться увлечения женщинами; в зрелости, когда жизненные силы могучи, остерегаться соперничества; в старости, когда жизненные силы скудны, остерегаться скупости.

Учитель сказал: «Видя перед собой добро, я бегу вперед так, словно боюсь отстать. Видя перед собой зло, я бегу прочь так, словно ступил ногой в кипящую воду». Я слышал такие слова и видел таких людей. «Я живу в уединении, дабы достичь своей цели, и следую должному, дабы претворить свою правду». Я слышал эти слова, но никогда не встречал такого человека.

По своим природным задаткам люди друг другу близки, а по своим привычкам друг от друга далеки.

Любимец деревни — враг добродетели.

Благородный муж превыше всего почитает долг. Благородный муж, наделенный отвагой, но не ведающий долга, может стать мятежником. Низкий человек, наделенный отвагой, но не ведающий долга, может пуститься в разбой.

Строить правильно отношения труднее всего с женщинами и низкими людьми. Если приблизишь их к себе — они станут развязными, если удалишь от себя — возненавидят.

Небо и Земля разделены, но они делают одно дело.

Стрельба из лука учит нас, как надо искать истину. Когда стрелок промахивается, он не винит других, а ищет вину в самом себе.

Попытайтесь быть хотя бы немного добрее, и вы увидите, что будете не в состоянии совершить дурной поступок.

Учитесь так, словно вы постоянно ощущаете нехватку своих знаний, и так, словно вы постоянно боитесь растерять свои знания.

Тот, кто не может наставить к добру своих домашних, не может учиться сам.

Благородный муж с достоинством ожидает велений Неба. Низкий человек суетливо поджидает удачу.

Только самые мудрые и самые глупые не поддаются обучению.

Люди хотят для себя богатства и славы; если то и другое нельзя обрести честно, следует их избегать. Люди страшатся бедности и безвестности; если того и другого нельзя избежать, не теряя чести, следует их принять.

Благородный муж ни от кого не ожидает обмана, но когда его обманывают, он первый замечает это.

Не познав судьбы, нельзя стать благородным мужем. Не познав должного, нельзя обрести опору в жизни. Не научившись понимать истинный смысл слов, нельзя знать людей.

Тот, кто, дожив до сорока лет, вызывает лишь неприязнь, — конченный человек.

Достойный человек не идет по следам других людей.

Оценивая мирские дела, благородный муж ничего не отвергает и не одобряет, а все меряет справедливостью.

Управляйте народом с достоинством, и люди будут почтительны. Относитесь к народу по-доброму, и люди будут трудиться с усердием. Возвышайте добродетельных и наставляйте неученых, и люди будут доверять вам.

Каждый может стать благородным мужем. Нужно только решиться им стать.

Учитель сказал: «Я не понимаю, как можно иметь дело с человеком, которому нельзя доверять? Если в повозке нет оси, как можно на ней ездить?»

Если у вас есть возможность явить милосердие, не пропускайте вперед даже учителя.

Благородный муж в душе безмятежен. Низкий человек всегда озабочен.

Благородный муж думает о праведном пути и не думает о пропитании. Он может трудиться в поле — и быть голодным. Он может посвятить себя учению — и принимать щедрые награды. Но благородный муж беспокоится о праведном пути и не беспокоится о бедности.

Благородный муж живет в согласии со всеми, а низкий человек ищет себе подобных.

Благородный муж стойко переносит беды, а низкий человек в беде распускается.

Секрет доброго правления: правитель да будет правителем, подданный — подданным, отец — отцом, а сын — сыном.

Благородный муж помогает людям увидеть доброе в себе и не поучает людей видеть в себе дурное. А низкий человек поступает наоборот.

К молодым людям нельзя относиться свысока. Очень может быть, что повзрослев, они станут выдающимися мужами. Только тот, кто ничего не достиг, дожив до сорока или пятидесяти лет, не заслуживает уважения.

В стране, где есть порядок, будь смел и в действиях, и в речах. В стране, где нет порядка, будь смел в действиях, но осмотрителен в речах.

Не делай другому того, чего себе не пожелаешь.

Наблюдайте за поведением человека, вникайте в причины его поступков, приглядывайтесь к нему в часы его досуга. Останется ли он тогда для вас загадкой?

ИЗ „ГУАНЬ ИНЬ-ЦЗЫ“

Вне присутствия дао нельзя говорить, но то, о чем поведать нельзя, — это дао. Вне присутствия дао нельзя размышлять, но то, о чем помыслить нельзя, — это дао.

В дао нет ничего от человека. Мудрый не судит: «Это дао, а то — не дао». В дао нет ничего от своего «я». Мудрый не различает между пребыванием в дао и отстранением от него. В том, что дао нет, — залог того, что дао есть. В том, что мудрый не держится за дао, — залог того, что он не потеряет дао.

Горшечник может создать десять тысяч горшков, но ни один горшок не может ни создать горшечника, ни уничтожить его. Дао может создать десять тысяч вещей, но ни одна вещь не сможет ни создать дао, ни уничтожить его.

Мудрый знает, что сознание едино, вещи едины, дао едино, и все они объединяются в одно. Он не меряет неизменным изменчивое и не ущемляет изменчивым неизменное.

Помраченность разума указывает на отсутствующее в наличном. Ее нельзя обнаружить. Ощущения приятные или неприятные являются нечто, возникшее из ничего. Их нельзя сокрыть. От приятных и неприятных ощущений проистекает знание, но оно касается только движения вещей. От помраченности разума проистекает незнание, но благодаря ему постигаешь вездесущность дао.

Одна искра может спалить десять тысяч вещей, но когда исчезнут вещи, где пребывать огню? Одно мгновение дао может обратить в небытие десять тысяч вещей, но когда исчезнут вещи, где же пребывать дао?

Стрельба из лука, верховая езда, игра на цине¹ или игра в шашки — все эти искусства невозможно постичь в одно мгновение. Только дао не имеет ни форм, ни правил, и его можно постичь в одно мгновение.

Мое дао подобно пребыванию в темном месте. Находясь на свету, нельзя ничего увидеть в темноте. Пребывая же в темноте, увидишь все, что находится на свету.

Мое дао подобно мечу. Обращая меч против других, извлечешь выгоды для себя. Хватаясь за меч руками, нанесешь себе рану.

Смерть в утробе. Смерть в яйце. Хотя мир велик, надежного знания о нем не добудешь. Мир и наше знание о нем — все равно что лезвие меча и рука: пока рука не дотрагивается до меча, она себя не поранит.

Во сне, в зеркале, в воде пребывает мир. Чтобы убрать мир, который снится, нужно не спать. Чтобы убрать вещи, которые отражаются в зеркале, нужно не смотреться в него. Чтобы убрать вещи, которые наполняют мир, нужно опорожнить сосуд, вмещающий их. Все, что есть и чего нет там, находится здесь, а не там. Вот почему мудрый не устраняет мир, а устраняет знание о нем.

Рыба, которая не хочет быть такой, как все рыбы, выбрасывается на берег и там погибает. Тигр, который не хочет быть таким, как все тигры, спускается с гор в город и там попадает в клетку. Мудрый не отличается от обыкновенных людей, поэтому ему нельзя воздвигнуть препоны.

«В самом себе не имей, где пребывать.»² Следуй формам вещей вокруг тебя. Будь текуч, как вода, покоен, как зеркало, отзывчив, как эхо, и невозмутим, как тишина. Соединяйся с несогласным, обретай потерянное. Не стремись опередить других, но неотступно следуй за ними.

Мудрый не отличается от других тем, что он говорит, действует и мыслит. А тем, что он никогда не говорит, не действует и не размышляет, он отличается от других.

Облака плывут и птицы кружат в пустоте небес. Благодаря пустоте превращения могут свершаться без конца. Таково же дао мудрого.

Мы сознаем себя словно живущими во сне. По воле воображения мы можем странствовать духом в чертогах Великой Чистоты³. Мы видим вещи как будто во сне. Отдаваясь переживаниям, мы можем

улететь душой за пределы Восьми пустынь⁴. Умей прозревать семена жизни и жить вечно. Умей забывать семена жизни и оставлять жизнь. Вот что такое дао.

Если в сознание закрались мысли об успехе и неудаче, демоны разума завладеют им. Если в сознание закралась похоть, демоны распутства завладеют им. Если в сознание закралась тревога, демоны отчаяния завладевают им. Если в сознание закралась распущенность, демоны одержимости завладевают им. Если в сознание закрались мечты о возвышенной дружбе, демоны гордыни завладевают им. Если в сознание закрались мечты о вкусной еде, демоны чревоугодия завладевают им. Все эти демоны — призраки, созданные из темноты и мрака, ветра и воздуха, земли и красок, дряхлых тел и бранных предметов. Эти признаки и наше сознание друг друга возбуждают, и дух человека откликается их воздействию. Тот, кто подпал под власть демонов, одержим мыслями о выдающихся свершениях. Он не говорит, что служит демонам, но говорит лишь, что служит одному дао. В конце концов в нем все мертвеет. Только мудрый может сделать дух одухотворенным, но не искать в духе духовность. Он опирается на все десять тысяч вещей и не теряет силы, их рождающей. Он может все собрать, все рассеять, всему противостоять. Каждый день он откликается всему сущему, но его сердце пребывает в покое.

То, что плывет, — это лодка. Но то, благодаря чему можно плыть, — это вода, а не лодка. То, что движется, — это повозка. Но то, благодаря чему можно двигаться, — это вол, а не повозка. Размышление — это разум. Но то, благодаря чему можно размышлять, — это воля, а не разум. Нельзя знать то, отчего все есть таким, каково оно есть. Только не зная того, отчего все есть таким, каково оно есть, не идешь навстречу тому, что приходит, и не влечешься за тем, что уходит. Не стремясь навстречу приходящему и не устремляясь вслед за уходящим, можешь жить одной жизнью с изначальным истоком Неба и Земли, в котором нет ни прошлого, ни настоящего.

Если знать, что сознание не является вещью, тогда поймешь, что и вещи не являются вещами. Если знать, что вещи не являются вещами, тогда поймешь, что дао не является вещью. Тогда не будешь преклоняться перед великими свершениями и изумляться глубоко-мысленным речам.

Мои мысли меняются с каждым днем, движет же ими не мое «я», а судьба. Когда познаешь природу и судьбу, вовне не будешь видеть себя, внутри не будешь видеть свое сознание.

Сознание рождается от взаимного воздействия нашего «я» и вещей подобно тому, как огонь возникает от трения двух палочек. Нельзя сказать, что оно находится во мне или в других. Нельзя сказать, что оно не находится во мне, и нельзя сказать, что оно не находится в других. Живи им, и тогда «другие» и «я» перестанут быть соблазном.

Мирские истины ограничены и противоречат друг другу. Они ведут к истинам всеобщим, но всеобщие истины не подчиняются порядку и ведут к тому, что не может быть упорядочено. Поэтому тот, кто может подчинить порядку одно чувство, может обрести естественную силу бытия. Тот, кто может забыть одно чувство, может соединиться с дао.

Глиняные куклы бывают мужчинами и женщинами, дорогими и дешёвыми. Они сделаны из земли и, когда они разобьются, снова уйдут в землю. Таков человек.

Глаз, всматривающийся в себя, ничего не видит. Ухо, вслушивающееся в себя, ничего не слышит. Язык, пробуящий себя на вкус, ничего не ощущает. Сознание, внимающее себе, ничего не сознает. Обыкновенные люди привязаны к тому, что находится вовне. Достойные люди привержены тому, что находится внутри. Мудрый знает, что то, и другое — неправда.

Ногти отрастают, волосы становятся длиннее. Естественный рост вещей нельзя остановить ни на миг. Обыкновенные люди видят то, что проявилось, и не могут заметить скрытого. Достойные люди видят сокрытое, но не могут довериться переменам. Мудрый доверяет переменам, чтобы пребывать в неизменном.

Твари, обитающие в морской пучине, претерпевают бесчисленные превращения, но вода одна для всех. Мое «я» и вещи вокруг непрестанно меняются в великом превращении мира, но природа одна для всех. Зная, что природа одна для всех, поймешь, что нет ни других, ни моего «я», ни смерти, ни жизни.

Все в мире — одна вещь. Обыкновенные люди не знают ее истинного имени. Они видят вещи и не видят дао. Достойные люди определяют принципы вещей. Они видят дао и не видят вещи. Мудрый соединяется с небесным в себе. Он не доискивается до дао и не привязан к вещам. Во всех путях — один и тот же путь. Не следовать дао — вот дао. Следовать ему — значит покоряться вещам.

Зная соблазны вещей, нет нужды вещи отвергать. Положим, мы видим перед собой землю или быка, дерево или лошадь: в нашем сознании есть их имена, а реальность их уже забыта.

Тот, кто достигает вершины мудрости, знает, что мудрость никогда не охватит собой весь мир. Поэтому он предпочитает простодушие. Тот, кто достиг вершины красноречия, знает, что красноречие никогда не раскроет сути всех вещей. Поэтому он говорит без прикрас. Тот, кто достиг вершины храбрости, знает, что храбростью никогда не одолеешь всех людей. Поэтому он скромнен.

Среди всех вещей мира нет ни одной принадлежащей мне. Поскольку вещи не принадлежат мне, я не могу не следовать им. Поскольку я не принадлежу сам себе, я не могу не давать себе расти. Хотя я следую вещам, я не обладаю ими. Хотя я даю себе расти, я не обладаю собой. Нельзя говорить о «внешних вещах», если нет «внешнего я». Нельзя говорить о «внешних формах», если нет «внешнего сознания». Дао — это только одно. Его нельзя определить и в него нельзя войти.

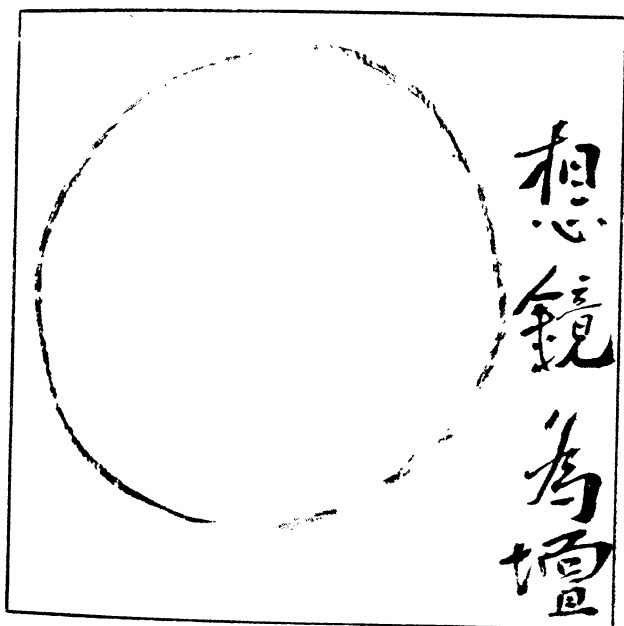
Тот, кто вглядывается в кончик волоска, не заметит, как велик мир. Тот, кто вслушивается в шорохи, не услышит, как грохочет гром. Тот, кто видит большое, не увидит малого. Тот, кто ищет близкое, не заметит далекого. Тот, кто слушает гром, не услышит тишины. Тот, кто внимает близкому, не постигнет отдаленного. Мудрый ни на что не смотрит и потому все видит. Он ничего не слушает и потому все слышит.

На прочные доспехи непременно найдется острое оружие: так ломается твердое. На острый нож непременно найдется твердый предмет: так тупится острое.

Суть событий в самих событиях, и слова о них имеют смысл. Суть дао не в дао, и слова о нем бессмысленны. Если знать, что слова бессмысленны, то всякое слово будет приобщать к дао. Если не знать, что слова бессмысленны, то даже утонченнейшие слова будут все равно что бельмо на глазу.

Говорить о дао — все равно что говорить о сновидениях. Тот, кто рассказывает об увиденных им во сне драгоценностях, всевозможных предметах или зверях, может только описать их, но не может передать их другому. Слушатели же могут только услышать о них, но не могут ими завладеть. Только тот, кто умеет слушать, ничего не принимает на веру и ничего не оспаривает.

**ИЗБРАННЫЕ
ЧАНЬСКИЕ
ИЗРЕЧЕНИЯ**

В котле с кипящей водой нет холодного места.

Лягушка прыгает, а из корзины не выпрыгнет.

В хорошем разговоре не все говорится.

Искусный мастер не оставляет следов.

Что невыразимо в словах, неистощимо в действии.

Зачерпни воду, и луна будет в твоей руке. Прикоснись к цветам, и их аромат пропитает твою одежду.

Когда ищешь огонь, находишь его вместе с дымом. Когда зачерпываешь воду из колодца, уносишь с собой луну.

Кто знает о том, что далеко за туманными волнами есть прекрасный мир мечты?

Десять лет я не мог найти дорогу назад, а теперь позабыл, откуда пришел.

Журчанье ручья в ночи становится слышнее. Краски гор на закате становятся ярче.

Там, куда не проникают ни свет, ни мрак, повсюду один прекрасный вид.

Я полностью сбросил свою кожу. Осталось одно подлинное естество.

Встречаюсь с ним, но не знаю, кто он. Говорю с ним, но не знаю его имени.

Глупо упрямый — упрямо глуп.

Прямые речи лучше покрасневшего лица.

Сердитый кулак не бьет по улыбающемуся лицу.

На флейте, не имеющей отверстий, играть всего труднее.

Три человека удостоверяют, что черепаха — это черепаха.¹

Густой туман не скрывает благоухания цветов.

Хороший торговец прячет свои богатства и кажется нищим.

Тот, кто думает, что обладает сиятельной мудростью, едет впереди осла и позади лошади.

Сверху — ни куска черепицы, чтобы прикрыть голову. Снизу — ни вершка земли, чтобы поставить ногу.

Стоит устам захотеть рассказать — и речь погибает. Стоит разуму захотеть понять свой исток — и мысль умирает.

Когда добрый человек проповедует ложное учение, оно становится истинным. Когда дурной человек проповедует истинное учение, оно становится ложным.

Солнце и луна не могут осветить это полностью. Небо и земля не могут покрыть это целиком.

Охотящийся за оленем не видит горы. Охочий до золота не видит людей.

Небожителям, разбрасывающим цветы², некуда идти. Неве-
рующим, хотящим подглядеть, не на что смотреть.

Слива в прошлом году, ива в нынешнем: их краски и ароматы все те же, что и в старину.

У края небес встает солнце и заходит луна. За перилами террасы горы глубоки и воды холодны.

Он видит только, как петляет река и вьется тропинка, и не знает, что он уже в стране Персикового источника³.

Дикий гусь не имеет намерения оставить след в воде. Вода не имеет желания удержать отражение гуся.

Когда птицы не поют, гора еще покойнее.

Высохшее дерево, распутившийся цветок: такова весна за пределами этого мира.

Вторая попытка не стоит и половины медяка.

Когда чистое золото объято огнем, оно блестит еще ярче.

Раскаты моего смеха сотрясают Небо и Землю.

Мышь, забравшаяся в трубку для денег⁴, не найдет выхода.

Вечность безбрежных просторов: один день ветра и луны.

С незапамятной древности и во веки веков оно выставляет себя на обозрение всех.

Когда откупоривают кувшин с соленой рыбой, вокруг с жужжанием роятся мухи. Когда кувшин опорожнен и вымыт, он тихо лежит в холодке.

Есть такие, которые, находясь в дороге, не покидают дома. И есть такие, которые, покинув дом, не находятся в дороге.

Уток, вышитых на ковре, можно показать другим. Но игла, которой их вышивали, бесследно ушла из вышивки.

Перед моим окном всегда одна и та же луна. Но расцветут сливы — и луна уже другая.

Для покоя и сосредоточенности не нужны горы и воды. Когда сознание умерло, даже огонь приносит прохладу.

Когда ты воодушевлен, воодушевись еще больше. Там, где нет одухотворенности, — там одухотворенность есть.

В корзине Бездонного покоится ясная луна. В чаше Безмыслия собирается чистый ветер.

Не ищи волос на панцире черепахи и рогов на голове зайца.

Правда не скроет собой лжи. Кривое не заслонит прямое.

Простаки и мудрецы живут вместе. Драконы и змеи обитают вперемешку.

По закону не дозволяется пронести иголку. Частным образом проедет целый экипаж.

Не завидуй мудрецам. Не гордись своим умом.

Чтобы написать такие стихи, нужно прежде иметь такое сердце. Чтобы нарисовать такой портрет, нужно прежде постичь такой облик.

Великий муж мечтает подняться выше неба. Он не будет идти там, где уже прошел Будда.

Не взять то, что даровано Небом, значит себя наказать. Не действовать, когда приходит время, значит себя погубить.

Речь — клевета. Молчание — ложь. За пределами речи и молчания есть выход.

В гуще белых облаков не видно белых облаков. В журчанье ручья не слышно, как журчит ручей.

Слепота — ясность зрения, глухота — чуткость слуха, опасность — это покой, удача — это несчастье.

В весенний день, лунную ночь кваканье лягушки оглашает целый мир и объединяет всех в одну семью.

Есть нечто, существующее прежде Неба и Земли, не имеющее формы, погребенное в безмолвии. Оно — господин всех явлений и не подвластно смене времен года.

Когда наступит великая смерть, осуществится великая жизнь.

Где много глины, будды велики. На большой воде корабли высоки.

Чтобы пересечь этот суетный мир, нужно знать дорогу. Чтобы прописать лекарство, нужно знать причину болезни.

Без угломера и циркуля не установишь квадратное и круглое. Без отвеса не определишь прямое и кривое.

Над ветками, не имеющими почек, кружат золотые фениксы. Под деревом, не отбрасывающим тени, бродят яшмовые слоны.

Одна стрела сбивает одного орла. Две стрелы — это уже слишком много.

На Пути нет хоженных троп. Тот, кто им идет, одинок и в опасности.

Когда поднимается одна пылинка, в ней содержится вся земля. Когда распускается один цветок, раскрывается целый мир.

Когда дерево сохнет, листья опадают.

Принимая наставления, ты должен постигать их исток. Не меряй их собственными мерками.

Когда проплывает рыба, вода мутнеет. Когда пролетают птицы, падают перья.

Пошевелись — и появится тень. Осознай — и родится лед. Но если не двигаться и не сознать, неминуемо окажешься в норе дикой лисы.

Тот, кто, сидя у тигра на шее, хватается за тигриный хвост, не годится даже в ученики. Когда голова буйвола исчезает и показывается голова лошади — это не удивительно.

Где кончаются дороги мысли — там начинай внимать. Где слова перестают выражать — там начинай созерцать.

Утверждением ничего нельзя утвердить. Отрицанием ничего нельзя отвергнуть.

Одну фразу, существующую до слов, не передадут и тысячи мудрецов. Одна нить перед нашими глазами не прервется целую вечность.

Золотой Будда не переправится через плавильный котел. Деревянный Будда не переправится через огонь. Глиняный Будда не переправится через реку.

Весь мир не спрячешь, близкое и далекое друг друга выявляют, прошлое и настоящее ясно различаются.

В одной фразе — жизнь и гибель, в одном поступке — свобода и рабство.

На вершине священной горы травы растут без корней. Не ведая о весеннем ветре, цветы цветут сами по себе.

В десяти пределах света нет стен. В четырех стенах крепости нет ворот.

Вдыхая, он не пребывает в мире теней. Выдыхая, он не касается мира вещей.

Каждый голос — голос Будды. Каждая форма — форма Будды.

В сухом дереве рев дракона. В древнем черепе ясный зрачок.

Мой путь лежит за краем голубых небес, — там, где белые облака плывут неостановимо.

Когда курам холодно, они взлетают на дерево. Когда уткам холодно, они бросаются в воду.

У хорошего кузнеца скапливаются горы необработанного железа. У дверей искусного лекаря собирается толпа больных.

На вершине одинокой скалы он свистит при луне и грезит среди облаков. В пучине великого океана он вздымает бурю и скользит по волнам.

Прими слепоту за ясность зрения, а глухоту за острый слух. Восприми опасность как обещание покоя, а удачу — как вестницу несчастья.

Искать мудрость вне себя — вот верх глупости.

***ХУН ЦЗЫЧЭН.
ВКУС КОРНЕЙ***

СОБРАНИЕ ПЕРВОЕ

Для того, кто в себе хранит правду, жизнь сжимается в мгновение. Для того, кто жаждет власти над другими, жизнь тянется вечно. Постигший истину человек взыскует вещи, коих нет в мире вещей, и думает о том, кем он будет, когда его не будет. Он примет бег мгновения и отвергнет оцепенение вечности.

Если не привязываться прочно к миру, то и мирская грязь не пристанет к тебе. Если глубоко вникать в дела мира, то механический ум глубоко войдет в тебя. Поэтому благородный муж в своих устремлениях более всего привержен безыскусному, а в деяниях своих превыше всего ценит непосредственное.

Помыслы благородного мужа — как голубизна небес и блеск солнца: не заметить их невозможно. Талант благородного мужа — как яшма в скале и жемчужина в морской пучине: разглядеть его непросто.

Власть и выгода, блеск и слава: кто не касается их, тот воистину чист. Но тот, кто касается, а не имеет на себе грязи, тот чист вдвойне. Многознайство и хитроумие, сметливость и проницательность: кто лишен их, тот воистину возвышен. Но тот, кто ими наделен, а не пользуется, тот возвышен вдвойне.

В жизни часто приходится слышать неугодные нам речи и заниматься делами, которые доставляют неудовольствие. Но только так мы найдем оселок, на котором отточится наша добродетель. А если слушать лишь то, что угодно слышать, и думать лишь о том, о чем приятно думать, то всю жизнь проживешь, словно одурманенный ядовитым зельем.

Когда дует свирепый ветер и льет проливной дождь, зверью и птицам неуютно. Когда ярко светит солнце и веет ласковый ветерок, деревья и травы дышат бодростью. Но надо понять: не бывает дня,

чтобы в жизни природы не было согласия; не бывает дня, чтобы сердце человека не наполнялось радостью.

Ни в кислом, ни в соленом, ни в горьком, ни в сладком нет настоящего вкуса. Настоящий же вкус неощутим. Ни незаурядный ум, ни поразительный талант не есть достоинства настоящего человека. Достоинства настоящего человека неприметны.

Небо и Земля вовек недвижимы, а эфир меж ними ни на миг не приходит к покою. Солнце и луна днем и ночью бегут друг за другом, а в бездне времен ничего не меняется. Поэтому благородный муж в час досуга должен думать о том, что не терпит промедления, а в минуту решительных действий должен быть празден.

Когда глубокой ночью покойно сидишь в одиночестве и внимаешь своему сердцу, постигаешь тщету всех мнений и тебе открывается твоя подлинная природа. В такие моменты прозреваешь в себе великую силу бытия и вдруг понимаешь, что, даже обрета в себе правду, трудно избавиться от суетных мыслей. И тогда тебя охватывает великий стыд.

Добротой часто можно причинить вред, поэтому, когда хочешь сделать добро, тщательно все обдумай. Из неудачи нередко можно извлечь полезный урок, поэтому промахи — лучшее подспорье делу.

Среди тех, кто питается отрубями, много людей чистых, как лед, и благородных, как яшма. Среди тех, кто носит платье, расшитое драконами, и ест из яшмовой посуды, много таких, которые готовы рабски гнуть спину и угождать другим. Тот, кто хранит чистоту помыслов, должен уметь отказываться от сладкого куска.

Если поля перед нашим взором расстилаются широко, вид их не забудется. Если добро, которое мы оставляем после себя, распространится далеко, память о нем не оскудеет.

На узкой тропе придержи шаг и дай пройти путнику, идущему навстречу. За едой возьми себе третью часть, а остальное отдай ближнему. Вот секрет того, как всегда быть счастливым в этом мире.

Каким бы великим делом ты ни был занят, если ты прогнал суетные мысли, — значит, ты достиг совершенства. Как бы ни

преуспевал ты в учении, если ты освободился от власти вещей, — значит, ты познал, что такое мудрость.

Друзьям оставь втрое больше, чем себе. Для себя сохрани хотя бы крупицу первозданной чистоты сердца.

В получении наград не будь впереди других. В совершении добрых дел не будь позади других. Получая от других, не бери больше положенного тебе. В добрых делах не делай меньше доступного тебе.

В круговороте мирской жизни отступить на шаг не зазорно. Отступление — залог продвижения вперед. Позволить другому взять твою долю — вот счастье. Помощью другим держится подлинная помощь себе.

Величайшая победа в этом мире не заслуживает и слова похвалы. Величайшее преступление в этом мире не заслуживает и слова порицания.

Громким именем и доброй славой не нужно пользоваться одному. Поделившись ими с людьми, можно избежать неприятностей и сполна прожить свою жизнь. Постыдные поступки и дурную репутацию не нужно целиком приписывать другим. Взяв часть их на себя, можно, сокрыв свет своих доблестей, взращивать в себе правду.

Если уметь в каждом деле прозревать нечто вовек неосуществимое, то и сам творец всего сущего¹ не сможет меня покарать, и даже боги и духи не смогут ничего отнять у меня. Если же стараться каждое дело непременно доводить до совершенства и во всем добиваться полного удовлетворения, тогда душа зачерствеет, а вокруг все будет нагонять тоску.

В каждой семье есть истинный Будда. В сутолоке каждого дня есть истинный Путь. Когда люди могут, не кривя душой, жить в согласии и с радостью говорить друг другу приветливые слова, когда родители и дети любят друг друга и живут душа в душу, то это в тысячу раз выше «регулирования дыхания» и «созерцания сердца»².

Есть люди от рождения живые и деятельные. Они — как молния в тучах или пламя свечи на ветру. Есть люди, от природы пребывающие в покое. Они — как «мертвый пепел и высохшее

дереву». Но нужно вообразить облако, которое замерло в как будто застывшем водном потоке, а в них парит коршун и плещутся рыбы — вот это и будет образ сознания, обладающего дао.

Не следует слишком горячо укорять других за их недостатки. Думай о том, чему хорошему эти люди могут научиться. Воспитывая других своими добрыми делами, не следует непременно проявлять чудеса добродетели. Делай лишь то, чему и другие могут последовать.

Навозные личинки утопают в нечистотах, но, превратившись в цикад, пьют росу под осенним ветром. Гнилушка не испускает света, но, превратившись в светляка³, горит под осенней луной. Нельзя не знать: чистое всегда выходит из грязи, светлое всякий раз рождается из тьмы.

Честолюбие и гордыня — обманчивое возбуждение духа. Стоит это возбуждение унять, как проступают истинные свойства натуры. Страсти и заботы проистекают из суетности сознания. Побори суетное сознание в себе, и в тебе проявится сознание истинное.

Если, наевшись досыта, думать о пище, то даже изысканнейшие яства не пробуждают аппетита. Если, удовлетворив похоть, думать о любовных утехах, не возникнет охоты предаваться им. Оттого-то люди часто сожалеют о своих поступках после того, как они их совершили. Но стоит отрешиться от соблазна того, что мы предвосхищаем в своем воображении, как наши помыслы станут непоколебимыми, а наши поступки — безупречными.

Сидя в коляске вельможи, нельзя не мечтать о лесах на горных вершинах. Живя у лесного ручья, нельзя не думать о хлопотах тех, кто служит во дворце государя.

Не жажди успеха в мире. Не впасть в заблуждение — это уже успех. Не ищи милости людей. Не заслужить их ненависти — это уже милость.

Трудиться, не страшась лишений, — вот великая доблесть. Но если чересчур истязать себя, не будешь знать ни настоящего отдохновения, ни настоящей радости. Хранить целомудрие — вот великая добродетель. Но если чересчур заботиться о своей репутации, не сможешь помогать людям.

Оценивая тех, кто находится в затруднительных обстоятельствах, смотри, о чем они мечтают. Оценивая тех, кто добились почета и славы, смотри, как они проводят остаток своих дней.

Людям богатым и знатым следует быть великодушными и милостивыми, а они, наоборот, завистливы и бессердечны. Выходит, люди они богатые и знатные, а поведением своим обкрадывают и унижают себя. Как же им быть счастливыми? Просвещенные люди должны прятать свою мудрость, а они, наоборот, выставляют ее напоказ всему свету. Выходит, люди они просвещенные, а страдают скудоумием и тупостью. Как же им не остаться в дураках?

Лишь пожив внизу, узнаешь, как опасно карабкаться вверх. Лишь побывав в темноте, узнаешь, как ярок солнечный свет. Лишь храня покой, узнаешь, как много сил тратят те, кто находятся в движении. Лишь пестуя молчание, понимаешь, как суетно многословие.

Лишь отрешившись от мыслей о славе, богатстве и власти, можешь освободиться от пошлости. Лишь отрешившись от мыслей о добре, гуманности и долге, можешь приобщиться к мудрости.

Жажда приобретений не безнадежно ранит разум. Наши замыслы и воображение — вот главные враги разума. Звук и цвет не обязательно скрывают правду. Наш рассудок — вот что наглухо загораживает от нас правду.

Людям свойственно колебаться и менять свои решения. Мирские пути запутанны и опасны. Там, где нельзя пройти, нужно уметь отступить на шаг. Там, где можно пройти, пропусти вперед других.

При встрече с низким человеком нетрудно быть резким, а трудно не питать отвращения. При встрече с благородным мужем нетрудно быть почтительным, а трудно быть безупречно вежливым.

Лучше сохранять младенческое целомудрие духа и гнать прочь хитроумие: по крайней мере после смерти возвратишь Небу и Земле частицу неиспорченной жизненной силы. Лучше отречься

от роскоши и находить удовольствие в малом: по крайней мере после смерти оставишь миру свое чистое имя.

Тот, кто покоряется демонам, прежде пасует перед своим сердцем. Обуздай свое сердце, и все демоны твоей души рассеются. Тот, кто увлечен соблазнами мира, прежде даст увлечь себя своим страстям. Когда страсти подвластны человеку, соблазны мира не тронут его сердце.

Круг учеников должно отбирать с тем же тщанием, что и круг знакомств благонравных девиц. Один беспутный человек в нем подобен сорной траве, проросшей среди ухоженных всходов: с такого поля уж никогда не добудешь отборное зерно.

Давая волю желаниям, не радуйся красивым вещам и не позволяй себе увлечься ими. Стоит хотя бы раз возжелать их, и ты увязнешь вглубь на тысячу сажен. Предаваясь думам о правде, не страшись трудностей и не отступай перед ними. Стоит отступить перед ними хотя бы на шаг, и ты будешь отброшен назад за тысячу гор.

Хлопотливый человек беспокоится и о себе, и о других, никогда не оставаясь безучастным. Человек равнодушный не заботится ни о себе, ни о других, будучи ко всему безразличен. Благородный муж умеет соблюдать меру. Он не слишком хлопотлив и не слишком безучастен.

Он богат, а я возвышен духом. У него высокий чин, а я следую долгу. Благородный муж никогда не позволит сильным мира сего связать себя. Человеческое упорство одержит верх даже над Небом. Постоянство помыслов перевернет целый мир. Благородный муж от самого творца всего сущего не примет обличья помимо своей воли.

Если не стараться хотя бы немного возвыситься над собой, всю жизнь будешь чистить одежду в пыли и мыть ноги в грязи. Как же тут стать чистым? Если хотя бы немного не отстраниться от мира, то уподобишься мотыльку, летящему в огонь, и барану, бодающему ворота. Как же тут найти покой и счастье?

В учении главное — хранить постоянство помыслов и идти прямо, никуда не сворачивая. Если, возвращая в себе добро-

детель, не отказываться от мыслей о заслугах и славе, никогда не достигнешь цели. Если, читая книги, думать о том, как лучше показать свою ученость, в душе не будет покоя.

В каждом человеке живут великая любовь и великое милосердие. Нет разницы между сердцем Вэймо⁴ и сердцами мясника или преступника. Повсюду есть место для подлинного переживания. Нет разницы между дворцом из золота и камышовой хижинкой. Но стоит стеснить свои чувства и отвернуться от своего сердца, как промах на вершок уведет от истины на тысячу ли.

Чтобы продвигаться по стезе добродетели и взращивать в себе правду, нужно быть бесстрастным, как дерево или камень. Стоит лишь единожды что-либо возжелать, и ты окажешься в плену мира страстей. Чтобы приносить пользу миру и водворять порядок в государстве, нужно быть безучастным, как плывущее облако и водная гладь. Стоит лишь единожды увлечься чем-либо, и ты погрязнешь в мире суеты.

Удачливые люди не рассуждают о том, как быть спокойными и счастливыми. Даже видя во сне духов, они не теряют самообладания. Неудачники не замечают, как у них все валится из рук. Они даже в веселой шутке усматривают козни.

Если заболит печень, испортится зрение. Если заболят почки, ослабнет слух. Болезнь гнездится там, где она не видна, а проявляется в том, что всем заметно. Благородный муж, стремясь не иметь видимых прегрешений, прежде не совершает прегрешений там, где их никто не может заметить.

Среди вещей приятных нет ничего приятнее пренебрежения делами. Среди вещей неприятных нет ничего неприятнее отягощенности заботами. Только те, кто изнемогают от забот, знают, что праздность — счастье. Только те, кто не ведают волнений, знают, что олягощенность заботами — горе.

В просвещенный век нужно быть прямым. В смутный век нужно быть искривленным. А в наше время можно быть и прямым и искривленным. С хорошими людьми нужно быть радушным. С дурными людьми нужно быть строгим. С обыкновенными людьми можно быть и радушным и строгим.

О своих заслугах перед другими не нужно помнить. О своих проступках перед другими нельзя не помнить. О милости других к себе нельзя забывать. А об обидах, нанесенных вам, нельзя не забыть.

Когда, делая добро, не думаешь ни о себе, ни о других, горсть зерен одарит милостью за тысячу пудов хлеба. Когда, помогая другим, бахвалишься своей щедростью и требуешь от людей благодарности, то сотня золотых не принесет тебе пользы даже и на половину медяка.

Люди между собой и ладят и не ладят, но можно ли сделать так, чтобы все угождали одному? Каждому что-то нравится а что-то не нравится, но может ли быть так, чтобы всем нравилось то, что нравится одному? Сравнивай свои желания с желаниями других и делай для себя выводы — вот простой способ учиться мудрости в этом мире.

Только когда сердце очищено от скверны, можно браться за чтение книг и изучение древности. Иначе, узнав про один добрый поступок, захочешь извлечь из него пользу для себя, а услышав одно умное слово, захочешь оправдать им свои пороки. Учиться с такими мыслями в голове — все равно что «дарить оружие врагу и посылать провиант разбойникам».

Скряги, даже если они богаты, думают, что им не хватает. Им не понять, отчего бессребреники хоть и бедны, а всего имеют в избытке. Люди честолюбивые трудятся, а удовлетворения не получают. Им не понять, отчего люди, не хвастающие способностями, праздны и живут в свое удовольствие.

В учении не равняться на великих мудрецов — значит быть рабом грифеля и доски для письма. На государственной службе не любить народ — значит украсть платье и шапку чиновника. Вести ученые разговоры и не заботиться о своем поведении — значит предаваться пустословию. Ведать важным делом и не думать об укреплении добродетели — значит пускать пыль в глаза.

В сердце каждого человека хранится одно правдивое послание, но оно погребено под обрывками обветшалых книг. В сердце каждого человека звучит один правдивый напев, но его заглушают распутные песенки и буйные крики. Тот, кто предан

учению, должен отместить все внешнее и в круговороте бытия узреть изначальное. Только тогда он поймет, что в жизни есть нечто подлинное.

В страдании сердцу часто открывается утешение. А когда вдруг покажется, что ты поймал истину, тут же становится горько, что не смог ее удержать.

Когда богатство, знатность и слава приобретаются добродетелью, они подобны лесным цветам, пышно цветущим на воле. Когда они приобретаются заслугами, они подобны цветам, выращенным на клумбе. Когда они приобретаются властью, они подобны цветам в вазе, отрезанным от корня и обреченным на увядание.

Когда весной наступают ясные и теплые дни, цветы расцветают многокрасочным ковром и птицы отовсюду льют сладкие звуки. Добродетельный муж дорожит тем, что он принадлежит к кругу избранных и живет в тепле и сытости. Он не старается щегольнуть красивым словом и блеснуть красивым поступком. Даже если он пробыл в мире сотню лет, кажется, что он не прожил и дня.

В учении важно быть сосредоточенным, но нужно уметь иной раз быть беспечным. Если вечно отказывать себе в радостях и утехах, то для окружающих ты будешь подобен мертвящему дыханию осени. Как же тогда помогать жизни вещей?

Подлинное бескорыстие не выставляется напоказ. Тот, кто хочет прослыть бескорыстным, делает это из жадности. Великое мастерство кажется безыскусным. Тот, кто щеголяет своим искусством, выказывает свое неумение.

Когда жертвенный сосуд полон, он опрокидывается. Копилка цела, когда она пуста. Благородный муж предпочтет отсутствующее наличному. Он примет то, в чем чего-то недостает, и отвергнет то, что закончено.

Пока ты не вырвешь из сердца ростки тщеславия, то, даже презирая богатства удельного владыки и довольствуясь тыквой-горлянкой²⁵, ты не сможешь избавиться от пошлых мыслей. Пока ты не приведешь к покою свой дух, то, даже ратуя за счастье всей земли и творя благо для всех времен, ты не будешь счастлив.

Когда на сердце светло, в темном подземелье блещут небеса. Когда в мыслях мрак, при свете солнца плодятся демоны.

Люди считают, что обладать славой и высоким положением радостно, а не знают, что радость отсутствия славы и высокого положения — самая настоящая. Люди считают, что терпеть голод и холод прискорбно, а не знают, что скорбеть, не страдая от голода и холода, тяжелее всего.

Когда, содеяв зло, человек боится, что о том узнают люди, он еще может найти путь к добру. Когда, сделав добро, человек старается, чтобы о том узнали люди, он порождает зло.

Движущая сила Небес непостижима. Она сгибает и расправляет, расправляет и сгибает. Она играет героями и ломает богатырей. Благородный муж покорен даже невзгодам. Он живет в покое и готов к превратностям судьбы. И Небо ничего не может с ним поделать.

Мучимые страстями души пышут огнем. Такие испепелят любого на своем пути. Лишенные милосердия холодны, как лед. Такие заморозят каждого, кто им встретится. Те, кто привязаны к вещам, подобны тухлой воде и гнилому дереву: жизнь уже ушла из них. Такие никогда не смогут сотворить добро или сделать другого счастливым.

Счастья никакими ухищрениями не добьешься. Учись находить в жизни радость — вот лучший способ привлечь счастье. Беды никакими стараниями не избежешь. Гони от себя злобу — вот лучший способ держаться вдали от беды.

Если из десяти слов девять правдивы, не считай это достижением. Достаточно одному слову не быть правдивым, как оно соберет вокруг себя тучу лжи. Если из десяти замыслов девять удались, не считай это успехом. Достаточно одному замыслу остаться неосуществленным, как вокруг вырастет лес попреков. Поэтому благородный муж ценит и молчание и отвергает суетность. Он ценит безыскусность и отвергает хитроумие.

В теплую погоду все живое растет, в холодную — все умирает. Те, кто холодны душой, не смогут познать радость, даже если их осенит милость Небес. Только те, у кого горя-

чее сердце, способны изведать беспредельное счастье и вечную любовь.

Путь небесной истины невообразимо широк. Стоит лишь немного помечтать о нем, и на сердце становится легко и просторно. Путь людских страстей поразительно узок. Стоит вступить на него, и перед глазами вечно будут колючие травы да грязные лужи.

Беды и радости притираются друг к другу. Когда они притрутся друг к другу без остатка, родится счастье. Такое счастье будет нерушимым. Сомнение и вера друг друга поправляют. Когда они полностью поправят друг друга, появится знание. Такое знание будет подлинным.

Сознание не может не быть пустым. Когда оно пусто, в нем поселяется истина. Сознание не может не быть наполненным. Когда оно полно, в нем нет места желанию обладать вещами.

Там, где грязь, кишит жизнь. Где вода чиста, не бывает рыбы. Благородный муж не должен чураться мирской грязи и не должен слепо подражать образцам непорочного поведения.

Необъезженную лошадь можно приучить к упряжке. Металлу, плавящемуся в тигле, можно придать нужную форму. Только из скучающего бездельника до конца жизни ничего не выйдет. Байша⁶ говорил: «Иметь много болезней не зазорно. Если за всю жизнь ничем не переболел, — это беда». Вот поистине мудрое суждение.

Если у человека появится хотя бы одна корыстная мысль, его твердость обернется малодушием, его знание — безрассудством, его милосердие — жестокостью, а чистота порочностью. Вся жизнь его будет загублена. Вот почему древние считали бескорыстие величайшим достоянием. Тот, кто обладает им, вознесется над целым миром.

Зрение и слух — внешние разбойники. Желания и замыслы — разбойники внутренние. Нужно, чтобы Хозяин⁷ не позволял себя усыпить и покойно восседал в главном зале дома. Тогда разбойники превратятся в слуг.

Лучше оберегать уже достигнутое, чем мечтать о еще не свершенном. Лучше предотвратить будущую ошибку, чем сожалеть о прошлом прегрешении.

Поведение должно быть возвышенным, но не причудливым. Мысли должны быть тонкими, но не мелочными. Характер должен быть уравновешенным, но не безвольным. Манеры должны быть воспитанными, но не жеманными.

Налетит ветер — и бамбук зашумит. Умчится ветер, и бамбук смолкнет. Летящий гусь отразится на поверхности замерзшего пруда. Улетит гусь, и на льду не останется его тени. Благородный муж размышляет о делах по мере того, как они встают перед ним. Дела пройдут, и сознание его становится пустым.

Целомудренный человек всем приятен. Гуманный человек мудро уладит спор. Разумный человек не станет докучать своим любопытством. Честный человек не возгордится. Такие люди подобны меду, который не приторен, и соли, которая в меру положена в пищу. Вот это и есть высшая добродетель.

В бедном доме чисто метут пол. Женщина, познавшая нужду, тщательно укладывает волосы. Где красота не порождена роскошью, прекрасно целомудрие духа. Добродетельный муж, даже живя в нищете и забвении, не придет в отчаяние и не изменит своим идеалам.

Будь сосредоточен в час досуга — это пригодится тебе, когда ты будешь спешить. Не расслабляйся в час покоя — это пригодится тебе, когда ты будешь действовать. Не обманывай в темноте — это пригодится тебе, когда ты будешь на виду.

Когда сознание пробуждается, понимаешь, что, даже вступив на стезю страстей, можно выйти на путь истины. Пробуждение дарует способность все увидеть заново. Вот загадка того, как беда приносит счастье, а смерть возвращает к жизни. Решить ее нелегко.

В покое очищаются мысли, и ты видишь истинную суть сердца. В праздности дух становится податливым, и ты познаешь истинный исток сердца. В безмятежности помыслы становятся глубокими, и ты постигаешь истинную основу сердца.

Для того чтобы узреть свое сердце и прикоснуться к подлинному, нет ничего лучше этих трех состояний.

Покой среди покоя — не истинный покой. Лишь когда обретишь покой в движении, воистину постигнешь небесную природу. Веселье среди веселья — не истинная радость. Лишь когда постигнешь радость в печали, поймешь, чем живет сердце.

Отказываясь жить для себя, не поддавайся сомнениям. Если позволишь сомнениям завладеть тобой, будешь стыдиться своих возвышенных намерений. Делая добро людям, не требуй от них благодарности. Если будешь требовать от них благодарности, твое желание сделать добро причинит вред.

Если Небо оделит меня счастьем, я восполню это величием своей добродетели. Если Небо заставит меня до изнеможения трудиться, я противопоставлю этому возвышенность своего сердца. Если Небо не даст мне удачи, я пробьюсь к ней, идя своим путем. Что может Небо поделать со мной?

Благонравный человек не мечтает о лучшей доле. И Небо в благодарность за его бескорыстие одаривает его счастьем. Низкий человек старается избежать беды. И Небо в отместку за его суетность лишает его разума. Нельзя не видеть: воля Небес всего мудрее. Что может против нее человеческое разумение?

Певичка из веселого дома на склоне лет обращается к добродетели. И то, что она целый век распутничала, тому не помеха. Женщина из хорошей семьи, посев, забывает о приличиях. И то, что она всю жизнь жила в строгости, оказывается напрасным. В народе говорят: «Суди о человеке по тому, как он оканчивает свои дни». Вот поистине замечательные слова.

Когда простолюдин пестует добродетель и оказывает благодеяния, он — канцлер, не имеющий титула. Когда вельможа пользуется властью в корыстных целях и торгует милостями, он в конце концов становится нищим, наделенным высоким рангом.

Добродетель предков — это то, что я получил от них в наследство. Надо помнить о том, как трудно было ее накопить. Благополучие потомков — это то, что начинается мной. Надо помнить о том, как легко его растерять.

Благородный муж, который неискренне делает добро, не отличается от низкого человека, который творит зло. Благородный муж, который изменил своим принципам, хуже низкого человека, который решил измениться к лучшему.

Когда кто-нибудь из домашних совершает проступок, не нужно набрасываться на него с попреками, но не следует и делать вид, будто ничего не произошло. Если об этом проступке неудобно говорить напрямик, скажите намеком, приведя подходящий к случаю пример. Если вас не поймут сразу, повторяйте свои наставления день за днем, и они возымеют действие подобно тому, как весенний ветер разгоняет холод и теплый воздух топит лед. Вот как нужно вести себя в семейной жизни.

Если ты доволен в душе, в Поднебесном мире не окажется ничего, что имело бы недостаток. Если в душе царит безмятежность, в Поднебесном мире ничто не покажется враждебным.

Непорочный муж отвергает излишества. Человек благовоспитанный не дает волю страстям. Благородный муж, следуя этим правилам, не может ни в малейшей мере пренебрегать своим долгом и не может чересчур выказывать свою непреклонность.

Когда жизнь складывается наперекор нашим желаниям, мир вокруг нас подобен лечебным иглам и целебным снадобьям: он незаметно врачует нас. Когда мы не встречаем сопротивления, мир вокруг нас подобен наточенным топорам и острым пикам: он исподволь ранит и убивает нас.

В тех, кто выросли в богатстве и почете, страсти пылают, как пламя, а жажда власти подобна раскаленному очагу. Если таких не остудить воздухом чистоты, они сожгут других или сгорят сами.

От одного искреннего движения души летом выпадет иней⁸, обрушатся стены города⁹, расплавятся металл и камень. У джигого человека, даже если он здоров телом, разум все равно погиб. В обществе он всем неприятен. Наедине он сам себе противен.

Когда литературное произведение совершенно, оно красиво и без прикрас. Когда человек совершенен, он велик и без выдающихся достоинств.

В мире обманчивой видимости не только заслуги и слава, богатство и знатность, но и всякое тело — это форма, лишь на время полученная взаймы. В мире подлинного не только родители и братья, но и все десять тысяч вещей составляют со мной одно тело. Когда человек рассеет обман и познает подлинное, он сделает своей опорой целый мир и освободится от пут света.

Яства, приятные на вкус, — это отравы, от которой портится желудок и размягчаются кости. Откажись от них, и ты избежешь многих тягот. Пустые развлечения вредны для здоровья и губительны для добродетели. Покончи с ними, и тебе не о чем будет сожалеть.

Не пеняй другим за мелкие проступки. Не уличай других в злом умысле. Не припоминай другим старых обид. Если следовать этим трем правилам, можно взрастить в себе добродетель и избежать неприятностей.

Благородный муж не может поступать легкомысленно. Если я буду легкомыслен в поступках, мир опутает меня и во мне не будет ни стойкости, ни постоянства. В размышлениях нельзя быть мелочным. Если я буду мелочен в мыслях, вещи запачкают меня и во мне не будет ни мужества, ни свежести духа.

Небо и Земля пребудут вечно, а мое тело второй раз не родится. Человеческий век не превышает сотни лет, а мой день промелькнет в мгновение ока. Те, кому посчастливилось жить в этом мире, не могут не знать радости обладания жизнью и не ведать печали ее быстротечности.

Злоба крадется за добротой, как тень за телом. Поэтому, вместо того чтобы заботиться о своей доброй славе, забудь и о доброте, и о злобе. Ненависть появляется там, где есть милосердие. Поэтому, вместо того чтобы стараться прослыть милосердным, отринь и ненависть, и милосердие.

Если есть красота, то против нее неизбежно появится уродство. Если я не славлю красоту, кто сможет приписать мне уродство? Если есть чистота, в отместку ей неизбежно появится грязь. Если я не добиваюсь чистоты, разве кто-нибудь сможет вымазать меня грязью?

у богатых и знатных людей смятения в душе больше, чем у бедных и презренных. Родственникам завидуют больше, чем чужим. Если не противопоставить этому умиротворенность сердца и равновесие духа, то дня не проживешь без душевных мук.

Заслуги и прегрешения нельзя смешивать. Если их смешать, в сердцах людей начнется разброд. Милость и ненависть нельзя высвечивать слишком ярко. Если они будут очевидны, люди перестанут стараться быть лучше.

Чинами и званиями не следует чересчур выделяться. Если ты будешь слишком выделяться своим положением, подвергнешь себя опасности. В искусстве не следует добиваться полного совершенства. Если искусство будет до конца совершенно, неизбежно его растеряешь. Поведение не должно быть чрезмерно возвышенным. Если оно будет слишком возвышенным, ты навлечешь на себя хулу и погибнешь.

В зле страшна секретность. В добре страшно стремление быть на виду. Поэтому вред, причиненный видимым злом, поверхностен, а причиненный злом скрытым — глубок. Когда добро очевидно, польза от него мала, а когда оно скрыто — велика.

Добродетель — господин таланта. Талант — слуга добродетели. Если в доме нет хозяина и всем распоряжается слуга, то разве не воцарятся в нем бесовщина и помрачение?

Спрячь свое искусство под покровом неумения, используй его тайно, но делай его явным. Помести чистое в грязном; сверни чистоту в себе, но распространи ее широко. Тогда этот хрупкий сосуд, в котором нам суждено плыть в океане жизни, станет нашим надежным убежищем.

Расцвет и изобилие предвещают упадок и гибель. Семена новой жизни таятся в увядании и смерти. Благородный муж, наслаждаясь покоем, должен готовиться к заботам и лишениям, а терпя невзгоды, должен хранить стойкость и твердо верить в то, что успех придет к нему.

Изумляться редкостному, восхищаться необычайным — это не от большого ума. Изнурять себя благочестием, стараться превзойти всех в добродетели — это не от хорошего воспитания.

Когда в груди у нас бушует жаркое пламя и бурлит кипящая вода, мы ясно сознаем, что с нами происходит, и с таким же ясным сознанием преступаем приличия. Но кто в нас сознает и кто преступает? В том, кто будет неотступно об этом размышлять, бес в душе превратится в Истинного Господина.

Если ты пользуешься доверием, не обманывай даже злодея. Если ты наделен силой, не кичись своим превосходством. Если у тебя есть достоинства, не обнажай недостатков других. Если у тебя нет способностей, не завидуй умению других.

Чужие пороки нужно исправлять молча. Если выставять их всем напоказ, ты будешь порок изгонять пороком. Человеческое упрямство нужно побеждать поучениями. Если же нападать на него в открытую, ты будешь упрямство понапрасну исправлять упрямством.

Воюя с негодяями, оставляй им пути к отступлению. Быть к ним беспощадным — все равно что закупоривать мышиную нору: мыши, сдохшие в норе, отравят все вокруг.

Вину за промахи нужно брать на себя наравне с другими, но не нужно претендовать на равные с другими заслуги. Когда у людей заслуги равны, между ними вспыхивает вражда. Можно разделять с другими их тяготы, но не следует делить с ними их радости. Тот, кто разделяет чужую радость, возбуждает ненависть к себе.

Добродетельный муж может по бедности не быть в состоянии помочь другим, но, встретив заблудившегося человека, одним словом откроет ему глаза, а встретив человека в затруднительном положении, одним словом избавит его от трудностей. Вот высочайшая добродетель.

Голодные льнут друг к другу, сытые — разбредаются. К теплу тянутся, холода избегают. Вот беда всех людей. Благородный муж должен хранить целомудренный покой и никогда не изменять себе.

Добродетель зависит от широты кругозора, а кругозор растет благодаря знанию. Поэтому тот, кто хочет упрочить свою добродетель, не может не расширять свой кругозор. А чтобы расширять свой кругозор, нужно увеличивать свое знание.

Огонек во мраке ночи, безмолвие флейты, поющей на десять тысяч ладов, — так впервые открывается нам незыблемый покой бытия. Пробуждение от снов наяву, ни единого шороха во всей вселенной: так впервые открывается нам первозданный Хаос бытия. Если в такие мгновения «пролить свет на себя самого», то понимаешь, что слух и зрение, вкус и обоняние — все это пути, а желания и страсти — все это суета.

Того, кто требователен к себе, всякое дело излечивает как целебное снадобье. Того, кто ищет недостатки в других, всякая мысль ранит как острие копья. Первый открывает всем путь к добру. Второй увлекает всех в пучину зла. Они далеки друг от друга, как облака в небе и грязь на земле.

Наши деяния и ученость уйдут вместе с нами, а дух целую вечность юн. Заслуги и слава, богатство и знатность меняются вместе с веком, а в океане жизни тысяча лет — как один день. Благородный муж никогда не променяет вечное на бренное.

Ставят невод на рыб, а попадает в него дикий гусь. Богомол, хватая добычу, не замечает, как сзади к нему подкрадывается воробей. На каждую хитрость найдется другая хитрость. Всякое происшествие ведет к еще неизвестным событиям. Так можно ли уповать на свое знание и разумение?

Если у человека нет ни одной искренней мысли, он подобен нищему, который отовсюду уходит с пустыми руками. Если у человека нет ни одного подлинного увлечения, он подобен деревянному идолу, который стоит там, где его поставили.

Если воду не мутить, она сама по себе отстоится. Если зеркало не пачкать, оно само по себе будет отражать свет. Человеческое сердце нельзя своей волей сделать чистым. Устраните то, что его загрязняет, и его чистота сама по себе проявится. Радость не нужно искать вовне себя. Устраните то, что доставляет вам беспокойство, и радость сама собой воцарится в вашей душе.

Одной мыслью можно преступить законы богов. Одним словом можно разрушить согласие Неба и Земли. Одним поступком можно навлечь беду на потомков. Вот о чем следует особенно хорошо помнить.

Ошибки других нужно прощать, а собственные ошибки прощать не надо. Собственные лишения можно стерпеть, но вид чужих лишений терпеть нельзя.

Преодоление всего пошлого — вот в чем человеческое величие. Но нарочитое стремление к величию делает человека не великим, а вздорным. Не быть запачканным грязью пошлого света — вот в чем чистота души. Но тот, кто добивается чистоты, отворачиваясь от мира, станет не чистым, а суетным.

Милость должна проистекать из безучастия, а быть щедрой. Если она прежде щедра, а потом обнаруживает безучастие, люди забудут добро, которое им сделали. Власть должна проистекать из строгости, а быть великодушной. Если она прежде великодушна, а потом строга, люди будут недовольны ее стеснениями.

Когда сознание пусто, природа человека проявляется воочию. Пытаться узреть природу, не сделав сознание покойным, — все равно что ловить отражение луны в волнах. Когда помыслы безмятежны, сердце становится чистым. Пытаться раскрыть свет сердца, не овладев своими помыслами, — все равно что чистить зеркало, покрывая его пылью.

Я знатен — и люди чтут меня. Но то, что они чтут, — это высокая шапка и широкий пояс. Я унижен — и люди презирают меня. Но то, что они презирают, — это холщовый халат и соломенные сандалии. Но ведь в действительности люди меня не чтут — чему же мне радоваться? Они в действительности меня не презирают — чему же мне огорчаться?

«Когда ем, всякий раз оставляю еду для мышей. Из жалости к мотылькам не жгу ночами лучину». Такие мысли древних поддерживают в нас жизнь. Без них мы будем тем, что зовется «телом из дерева и земли», только и всего.

Одна добрая мысль водворит согласие в целом мире. Одна крупница чистоты сердца будет благоухать сотню веков.

Многомудрые и возвышенные манеры, геройские поступки и выдающееся мастерство — все это источник несчастий на свете. Только обыкновенные добродетели и обыкновенное поведение могут вернуть нас к первозданной полноте бытия и водворить мир в нашей душе.

Есть одно изречение, гласящее: «Поднимаясь в гору, имей мужество пройти по обрывистой тропе. Идя по снегу, имей мужество пройти по скользкому мосту». В слове «мужество» заключен глубочайший смысл. Если на опасных поворотах жизни и на ухабах мирских путей тебе не хватает мужества, ты непременно застрянешь в какой-нибудь заросшей бурьяном яме.

Те, кто гордятся своими заслугами и блистают ученостью, живут, ища опору вовне себя. Они не знают, что сердце само по себе сияет, словно драгоценная яшма. Тот, кто сохранил в себе первозданный свет сердца, воистину велик, даже если он не имеет ни одной заслуги и не прочтет ни одного иероглифа.

Если хочешь быть безмятежным в минуту волнений, прежде научись владеть собой в час покоя. Если хочешь быть невозмутимым среди суеты, прежде научись воздавать должное Истинному Господину в минуты праздности.

Не затемняй своего сердца. Не обнажай чувств других. Не истощай силу вещей. Следуя трем этим правилам, можно жить одной жизнью с Небом и Землей, дать покой людям, принести счастье потомкам.

Находясь на службе, помни две истины: «Только беспристрастность излучает свет мудрости. Только бескорыстие рождает авторитет». Вернувшись в свой дом, помни две истины: «Только радушие приносит покой. Только от бережливости бывает достаток».

Живя в богатстве и почете, надо помнить о тяготах бедных и униженных. Будучи молодым и сильным, помни о горестях старых и дряхлых.

В жизни не нужно изо всех сил блюсти чистоту. Грязь всякого оскорбления можно отряхнуть с себя. В отношениях с людьми не нужно быть слишком педантичным. Добро и зло, ученость и невежество надо принимать равнодушно.

Не враждуй с низким человеком, ведь он имеет врагов лишь среди ему подобных. Не угождай благородному мужу, ведь он не оказывает услуг из корысти.

Самодурство излечить легче, чем пристрастие к резонерству. Препрады в делах устранить проще, чем отгороженность от истины.

Наш дух должен быть прочным, как металл, закаленный сотню раз. Не имеющие терпения этого не добьются. Наша доброта должна быть полновесной, как самострел весом в тысячу цзюней¹⁰. Привыкшие стрелять, не прилагая усилий, не смогут воспользоваться таким оружием.

Лучше услышать от низких людей брань, чем услышать от них похвалу. Лучше заслужить от благородного мужа упрек, чем увидеть его безразличие.

Человек корыстный далеко отстоит от правды. Вред от него очевиден и поверхностен. Человек тщеславный прикрывается правдой. Вред от него неприметен и глубок.

Честный человек душой возвышен, поэтому его счастье глубоко и неизменно. На всех делах его лежит печать свободы. Подлый человек душой низок, поэтому радость его мелка и скоротечна. Все содеянное им выдает ущемленность.

Услышав о чем-то дурном поступке, не спеши осуждать этого человека. Может статься, что он порядочный человек, который пал жертвой клеветы. Услышав о чем-то хорошем поступке, нельзя спешно искать дружбы с этим человеком. Может статься, что он негодяй, который набивает себе цену.

Если душа черства, а сердце загрузело, ни в одном деле не добьешься удачи. Если сердце покойно, а дух уравновешен, счастье само придет к тебе.

С подчиненным не будь резок, иначе он не захочет служить у тебя. С друзьями не будь развязен, иначе в друзьях у тебя окажутся одни ничтожества.

Под свирепым ветром и проливным дождем нужно уметь прочно стоять на ногах. Там, где цветут пышные цветы и красуются ивы, нужно уметь обратить взор вверх. Вступив на гибельный путь, опасную тропу, нужно уметь повернуть назад.

Истинно благочестивые люди умеют ладить с другими и не позволяют вспыхнуть вражде. Люди, заслуженно почитаемые, умеют создать впечатление, что их добродетели принадлежат всем, и не позволят зависти завладеть чьим-то сердцем.

Великий человек на службе не должен быть бесцеремонен и давать повод для легкомысленных поступков. Выйдя в отставку и вернувшись на родину, он не должен быть слишком церемонен. Ему следует проявлять радушие и не чураться старых друзей.

Великих людей нельзя не страшиться. Если их страшиться, не будешь развязен. Низких людей тоже нельзя не страшиться. Если их страшиться, не прослывешь заносчивым.

Если тебя преследуют неудачи, подумай о тех, кто неудачливей тебя, и твои обиды рассеются. Если в твое сердце закрадется нерадивость, подумай о тех, кто преуспел больше тебя, и ты воспрянешь духом.

Не давай обещаний сгоряча. Не сердись во хмелю. Не строй планы в радостном возбуждении. Не думай о предстоящих делах уставшим.

Тот, кто искусен в чтении, вкушает радость познания, не отбрасывая «верши и силков»¹¹. Тот, кто искусен в созерцании, прозревает тайны сердца и духа, не отворачиваясь от видимых образов.

Небо одаривает мудростью одного человека, чтобы рассеять невежество всей толпы. А в мире, наоборот, используют свои достоинства для того, чтобы пенять другим за их недостатки. Небо одаривает богатством одного человека, чтобы вызволить из нищеты всю толпу. А в мире, наоборот, держатся за то, что имеют, и заставляют бедных терпеть лишения. Вот поистине люди, заслужившие кару Небес!

Прозревший человек «ни о чем не размышляет, ни о чем не беспокоится». Темный человек ничего не знает, ни о чем не ведает. Эти двое могут сговориться и действовать заодно. Посредственности много рассуждают и много хлопочут, о многом любопытствуют и строят много планов. Оттого они относятся друг к другу с подозрением, и заставить их действовать сообща нелегко.

Уста — ворота ума. Если держать их открытыми, ум ускользнет наружу. Воображение — ноги ума. Если его не обуздать, оно уведет ум с правильного пути.

Когда судишь других, ищи в их вине отсутствие вины. Тогда в людях будет согласие. Когда судишь себя, ищи вину там, где вины не видно. Тогда твои добродетели еще более упрочатся.

Наши потомки — это взрослые люди в утробе. Сюцай¹² — это царедворец в яйце. Если их в юную пору не очистить и не закалить их души, то в будущем, когда они выйдут в мир и поступят на службу, из них уж никогда не получится добротный материал.

Благородный муж, попав в беду, не горюет, а оказавшись на пирушке, не сторонится веселья. Он не робеет перед сильными мира сего и сострадает убогим и сирым.

Персик и слива красивы на вид, но их красоте не дано обладать долговечностью сосны и кипариса. Груши и абрикосы сладки на вкус, но их сладости не дано обладать стойкостью аромата апельсинов и мандаринов. Можно ли сомневаться в том, что пышная, но быстротечная красота не сравнится с красотой скромной, но долговременной и что ранние цветы не сравнятся с поздними плодами?

В быстротечности покоя и мимолетности счастья прозреваешь подлинное в жизни. В отсутствии свойств и ненарушаемом безмолвии постигаешь естество сердца.

СОБРАНИЕ ВТОРОЕ

Тот, кто рассуждает о прелестях жизни в горах и лесах, не обязательно жаждет уединения в горах и лесах. Тот, кто не терпит разговоров о славе и выгоде, не обязательно перестал мечтать о славе и выгоде.

Рыбная ловля — беспечное занятие. Но в руках вы держите орудие, могущее лишить жизни. Игра в шахматы — безобидное развлечение. Но оно внушает мысли о смертельном поединке. Нельзя не видеть: из всех дел самое приятное — ничегонеделание, а безыскусность выше самой тонкой изощренности.

Пора цветения трав, когда поет иволга и склоны гор одеваются в зеленый наряд, — это обманчивая видимость нашего мира. Когда

деревья обронят в воду свою листву и скалы будут стоять оголенными, тогда людскому взору воистину явится доподлинное естество Неба и Земли.

Годы и месяцы тянутся долго, а суетливый человек сам себя торопит. Небо и Земля простираются широко, а низкий человек сам себя стесняет. Времена года повинуются непреложному закону, а человек докучливый не перестает сомневаться и всю жизнь пребывает в суете.

Чтобы угодить человеку, не требуется многого. Сад на подносе может доставить нам удовольствие. Чтобы любоваться пейзажем, не нужно отправляться далеко. Луна, глядящая в окно, может повергнуть нас в восхищение.

Услышав удар колокола в ночной тишине, пробуждаешься от сна, в котором видишь сны. Созерцая отражение луны на глади вод, прозреваешь себя вне себя.

В щебете птиц и жужжании насекомых хранится тайна послания от сердца к сердцу. В красках цветов и узорах трав проступают письмена святой правды. Тот, кто предан учению, должен в самом себе постичь движущую силу Неба и душою стать, как чистая яшма, дабы сердцем откликаться каждому существу.

Люди умеют читать книги, состоящие из письмен, и не умеют читать книгу, не имеющую письмен. Им ведомы звуки лютни, имеющей струны, и не ведомы звуки лютни без струн¹. Если жить мертвой видимостью вещей и не внимать жизни духа, поймешь ли, что такое книга без письмен и лютня без струн?

Сердце, в котором исчезло желание обладать чем-либо, — это бездонные небеса, прояснившиеся после ненастья. Если рядом оказываются лютня или книга, ты попадаешь в Каменные палаты Киноварной горы¹.

Приятеля и незнакомцы сходятся на пир и без удержу предаются веселью. Но вдруг иссякает вода в часах, гаснут светильники, рассеиваются благовония и остывает чай, разлитый в чашках. Тогда в душу закрадывается грусть, и пропадает охота веселиться. Вот так мы живем в этом мире. Почему люди не оглянутся на свою жизнь пораньше?

У того, кто постигнет суть вещей, в одном вершке сердца сойдется лунная дымка Пяти озер². Тот, кто прозреет исток всех превращений, заключит в объятия великих мужей всех времен.

Даже горы и реки и вся земля обратятся в прах. Что же говорить о прахе, рожденном от праха? Даже тело во плоти и крови — это тень. Что же говорить о тени, отбрасываемой тенью? Если не стяжать высшего знания, не наступит и просветления в сердце.

Жизнь человека — что искра, высеченная из кремня. Как бы ни старался человек светить ярче других, мрак он все равно не рассеет. Мир людей — что рожки улитки. Как бы ни боролись за главенство его обитатели, разве дано им обладать вселенной?

Выгоревшая лампада не осветит тьму. Порванная одежда не согреет. И то, и другое — только видимость. Когда тело подобно высохшему дереву, а сердце — мертвому пеплу, поневоле окажешься в плену пристрастия к пустоте.

Решившись остановиться, остановись не медля. Ведь если ждать благоприятного часа, то и женитьба не уменьшит забот, и уход в монахи не прибавит мудрости. Когда-то один человек сказал: «Хочешь уйти — уходи не мешкая. Если дожидаться до времени, оно никогда не настанет». Вот воистину замечательное суждение!

Если хладнокровно смотреть на горячность, то узнаешь, что поспешность горячных людей бесполезна. Если от суеты обратиться к праздности, то узнаешь, что удовольствие праздной жизни самое прочное.

Тому, кто смотрит на богатство и знатность как на плывущие облака, нет нужды скрываться в горных ущельях. Тот, кто не питает слабости к красивым пейзажам, часто во хмелю слагает стихи.

Тот, кто соперничает с другими и полагается на мнение других, не замечает всеобщего опьянения. Тот, кто дорожит бесстрастием и думает только о себе, не сможет стать одиноким трезвенником. Говоря о таких людях, Будда учил не связывать себя вещами и не связывать себя пустотой. И тело, и сознание должны быть предоставлены самим себе.

Продолжительность времени определяется нашим восприятием. Размеры пространства обусловлены нашим сознанием. Поэтому, коли дух покоен, один день сравнится с тысячей веков, а коли помыслы широки, крохотная хижина вместит в себя целый мир.

Потеряй, а потом потеряй желание потерять. Тогда, выращивая цветы и сажая бамбук, станешь другом Небывалого учителя³. Забудь то, что уже не забывается. Тогда, возжигая благовония и заваривая чай, не будешь ждать юношу в белых одеждах⁴.

Тот, кто умеет быть довольным судьбой, живет в мире блаженных, а тот, кто не умеет, — живет в мире обыкновенных людей. Тот, кто постиг исток всего сущего, несет в мир жизнь, а тот, кому он неведом, несет в мир смерть.

Если тянуться к сильным мира сего и искать покровительства власть имущих, то несчастье навлечешь на себя немалое и грянет оно скоро. Если хранить свой покой и оберегать свою свободу, то наслаждение получишь самое чистое и продлится оно долго.

Вдоль горного ручья, поросшего соснами, пройдишь в одиночестве с посохом в руке. Замрешь и почувствуешь: облака наполнили складки ветхого халата. Подремли с книгой у окна, заросшего бамбуком. Проснешься и увидишь: луна забралась в истертое одеяло.

Страсти обжигают, подобно пламени. Но стоит мелькнуть мысли о болезни, и душа уподобится холодному пеплу. Мечты о славе и наградах сладки, как мед. Но стоит подумать о смерти, и они покажутся безвкусными, как воск. Поэтому тот, кто всегда печалится о смерти и думает о болезнях, сможет отринуть иллюзии и вечно помнить о праведном пути.

Дорога, на которой люди соперничают друг с другом, узка. Отступить на ней один шаг, значит на шаг дать себе больше простора. Густой аромат недолговечен. Стоит сделать его чуть слабее, и он будет устойчивее.

Тот, кто в минуту волнения не поддается суете, несомненно, взрастил чистоту духа в часы покоя. Тот, кто в свой смертный час не теряет самообладания, несомненно, постиг суть вещей при жизни.

Наслаждаясь уединенной жизнью в лесу, не ведаешь ни славы, ни позора. Идя стезею истины, не ведаешь ни пристрастия, ни отвращения.

Жару в доме не нужно устранять. Устраните раздраженность жарой, и ваше тело будет вечно находиться в прохладных покоех. Бедность не нужно гнать прочь. Прогоните беспокойность бедностью, и ваше сердце вечно будет пребывать в чертогах радости и довольства.

Сделав шаг вперед, подумай, сможешь ли ты отступить. Тогда избежишь участи бодливого барана, чьи рога застряли в стене. Прежде чем начать какое-нибудь дело, прикинь, сможешь ли завершить его. Тогда не уподобишься тому, кто взялся проехать верхом на тигре.

Когда жадному человеку преподносят золото, он недоволен тем, что ему не поднесли яшму, а когда его производят в гуны, негодует на то, что ему не пожаловали титул хоу. Хотя он могуществен и богат, ему нравится казаться нищим. Тому, кто знает, как жить в довольстве, похлебка из лебеды покажется слаще отборного риса, холщовый халат — теплее лисьей шубы, удел податного человека — завиднее судьбы царедворца.

Обладать славой хуже, чем держаться вдали от нее. Преуспевать в делах хуже, чем пренебрегать ими.

Те, кто жаждут покоя уединения, созерцают «белые облака над далекими вершинами» и проникают в сокровенное. Те, кто увлечены блеском жизни, любят чарующие песни и соблазнительные танцы и забывают об усталости. Но только мужи, познавшие себя, не жаждут покоя уединения и не увлечены блеском жизни. Они не делают ничего, что вносило бы разлад в их душу.

Взгляни на одинокое облако, вырастающее из горы: что ни предпринимай, а с пути его не свернуть. Взгляни на светлое зеркало, висящее в небе⁵: как ни старайся, а с места его не сдвинуть.

Непреходящий вкус таится не в душистых винах, а в горохе и воде. Печальные думы рождаются не в мертвой тишине, а среди звуков свирелей и струн. Надобно знать: густой аро-

мат не продержится долго. Благоухание того, что лишено аромата, — единственно подлинное.

Чаньские наставники учили: «Если тебе хочется есть — ешь. Если тебе хочется спать — спи». О высшем смысле поэзии говорят: «Описывая то, что видишь перед собой, говори обычными словами». Самое возвышенное пребывает в самом обыденном. Самое трудное кроется в самом легком. Тот, кто одержим идеями, далек от истины, а тот, кто не умствует, близок к ней.

Воды реки бегут, не останавливаясь ни на миг, а на берегу не слышно ни звука. Так постигаешь безмолвие среди шума. Горы высоки, а облака минуют их, не встречая преград. Так открываешь тайну погружения в беспредельное.

Горные леса — место возвышенного уединения, но стоит принести туда страсти, и оно уподобится базарной площади или царскому двору. Каллиграфия и живопись — изысканные занятия, но стоит заразиться алчностью, и они уподобятся рыночному торгу. Когда сердце не запачкано, мир желаний — царство блаженных. Когда сердце опутано страстями, страна радости превратится в океан страданий.

Когда живешь в шуме и суете, забываешь даже о том, о чем нетрудно помнить. Когда погружаешься в тишину и покой, вспоминаешь даже то, что забыто за давностью лет. Нельзя не видеть: покой и суетность далеко отстоят друг от друга; помраченность и ясность ума ни в чем друг с другом не сходятся.

Завернувшись в рогожу, спать в горной хижине среди облаков и снегов: так можно сберечь бодрость духа. Осушая чашу вина с листочком бамбука, слушать шум ветра и любоваться луной: так можно отряхнуть от себя прах мира сего.

Знатного вельможу встреча со старцем, живущим в горах, сделает возвышеннее. Рыбаков или дровосеков встреча с именитым царедворцем сделает суетнее. Надобно знать: пышное не одолеет скромное; низменное не поднимется до возвышенного.

Мудрость отрешенности от мира заключена в умении жить в гуще этого мира. Чтобы убежать от света, не нужно рвать с

людьми. Правда сердца в том, чтобы предоставить ему свободу. Не нужно подавлять желания и делать сердце подобным «мертвому пеплу».

Это тело всегда находит отдохновение в праздности. Кто может обременить нас почетом или позором, приобретениями или утратами? Это сердце всегда находит удовольствие в покое. Кто может смутить нас истиной или ложью, выгодой или ущербом?

Когда слышишь за бамбуковым пологом лай собак и крики петухов, чувствуешь себя в заоблачной стране. Когда слышишь за окном кабинета стрекот цикад и карканье ворон, познаешь мир безмолвия.

Если я не хочу славы, зачем мне отказываться от высоких чинов и наград? Если я не желаю карьеры, зачем мне страшиться превратностей службы?

Когда от дерева остается только корень, видишь, что красота его кроны — брменная слава. Когда человек лежит в гробу, понимаешь, что потомки и богатства — сущие пустяки.

Истинная пустота не пуста. Доверяться видимым образам неправильно. Отворачиваться от видимых образов тоже неправильно. Как же, спрашивается, Учитель мира⁶ поведал истину? «Будучи в мире, будь вне его. Потворствовать желаниям — страдание. Пресекать желания — тоже страдание». Эти наставления каждый из нас должен претворить в своей жизни.

Человек, жаждущий прослыть бескорыстным, откажется от владения царством с тысячью колесницами, а скряга будет биться за один медяк. Эти двое далеки друг от друга, как звезды от земных глубин, но страсть первого к славе не отличается от любви второго к богатству. Сын Неба погружен в заботы о государстве, нищий выпрашивает чашку похлебки. По своему положению они далеки друг от друга, как облака в небе и грязь на земле, но чем отличается волнение в мыслях от волнения в голосе?

Если сполна изведать сладость и горечь этого мира, то, какие бы бури ни бушевали вокруг, ты и бровью не поведешь. Если до конца проникнуть в человеческое сердце, то, даже

если тебя назовут быком или лошадьё, ты будешь в ответ кивать головой.

В наше время люди всячески стараются устранить поток мыслей. Но в конце концов мысли устранить невозможно. Нужно лишь не держаться за прежние мысли, не стремиться навстречу мыслям приходящим, а постоянно продлевать свое настоящее. Тогда сам собою постепенно войдешь в царство Вечного Отсутствия.

Когда мысли сами собой находят отклик в сердце, мы словно живем среди благоухающего сада. Только та вещь подлинна, которая соответствует своему естеству. Стоит попытаться хотя бы немного улучшить то, что нас восхищает, и все очарование погибнет. Почтенный Бо говорил: «Мысли доставляют удовольствие, когда они приходят внезапно. Ветер становится чист, когда он вольно гуляет на просторе».

Возвращать своей природе изначальную чистоту — все равно что есть, когда ты голоден, и пить, когда ты мучим жаждой. Так ты укрепишь и тело, и разум. Если же сердце погрязло в заблуждениях, то, даже рассуждая о сосредоточении и распевая гатхи⁷, ты будешь понапрасну расточать силы.

В сердце человека есть мир подлинного. В нем не слышишь звуков свирелей и струн, но всегда царит радость. В нем не обоняешь ароматы курительных свеч и чая, но всегда разлито чистое благоухание. Очисти разум и отрешись от вещей, забудь о мыслях и предоставь телу свободу — тогда сможешь туда проникнуть.

Золото добывают из руды. Яшму извлекают из камней. Не будь обманчивой видимости, было бы невозможно искать правду. Истину находят в кувшине с вином, блаженных встречают среди полевых цветов. Даже самое возвышенное нельзя отделить от обыденного.

В мире десять тысяч вещей, в человеческой душе десять тысяч чувств, на земле десять тысяч дел. Если смотреть на них помраченным оком, они предстанут бессмысленной путаницей. А если смотреть на них прозревшим оком, во всем обнаружится незыблемый порядок. К чему беспокоиться о различиях? К чему выбирать да выгадывать?

Когда в душе царит безмятежность, то, даже кутаясь в холстину, вбираешь в себя жизненное дыхание Неба и Земли. Когда в сердце царит довольство, то, даже питаюсь отрубями, знаешь подлинный вкус жизни.

Обремененность вещами и свобода от вещей коренятся в нашем сердце. Для прозревшего правду даже лавка мясника и придорожная харчевня — все равно что царство Чистой Земли⁸. Не изведавший прозрения, даже окружая себя лютнями и журавлями, цветами и травами, не вырвет демонов из своего сердца. Одно изречение гласит: «Для того, кто прозрел истину, мир пыли — все равно что мир воистину существующего. Тот, кто не прозрел истину, даже уйдя в монахи, не отличается от мирянина». Верьте этим словам.

Если отрешиться от всех забот, то в убогой келье словно появятся расписные потолки с плывущими облаками и жемчужные занавеси протянутся, точно струи дождя. Если после третьей чары постигаешь смысл этой жизни, только и знаешь, что перебирать струны, осязая лунный свет, да пением свирели вторить шепчущему ветру.

Когда постигаешь безмолвие всех голосов, донесшийся до слуха щебет птицы рождает в душе ощущение недостижимой глубины. Когда мыслями пребываешь в пустыне, попавшийся на глаза свежий стебель заставляет поверить в беспредельную силу жизни. Нельзя не видеть: природа, данная нам небесами, не выносит оцепенения; нечаянная встреча более всего взбадривает наш дух.

Почтенный Бо говорил: «Лучше скрытно доверяться созидательной силе Небес, чем уповать на собственное своеволие»⁹. Почтенный Чао говорил: «Лучше держаться постоянства пустоты, чем связывать свое тело и разум»¹⁰. Тот, кто распушен, скатится к сумасбродству. Тот, кто пытается сдержать себя, закоснеет. Только тот, кто умеет воспитывать и тело и дух, может, не теряя самообладания, предоставить и стесненности и распушенности быть самим по себе.

В снежную ночь при ясной луне сердце становится чистым. С весенним ветром, в теплую погоду в душе воцаряется мир. Жизнь природы и человеческий дух слиты неразделимо.

В словесности преуспеваешь благодаря безыскусности. В служении правде делаешь успехи благодаря безыскусности. В слове «безыскусность» заключен глубочайший смысл. «В деревне Персикового источника лаяли собаки, и среди тутовых деревьев кричали петухи». Что может быть прелестнее этой картины? А когда мы доходим до изощренных фраз, вроде «луна в замерзшем пруду» или «голубь на засохшем дереве», мы словно наталкиваемся на безжизненную пустоту.

Когда вещи служат нам, мы равнодушны к приобретениям, не огорчаемся из-за неудач и всегда свободны душой. Когда мы сами служим вещам, мы гневемся из-за неурядиц, любим, когда нам угождают, и связаны путами с ног до головы.

Если понять, что высшая истина пуста, то и все явления окажутся пустыми. Отвергать явления и держаться за «истинно сущее» — все равно что отворачиваться от тени и признавать телесную форму. Когда сознание пусто, то и внешний мир пуст. Отвергать мир, но признавать образы, существующие в сознании, — все равно что собирать падаль и отгонять мух.

Отшельник в горах чист душой и все делает в свое удовольствие. Поэтому за вином он без усилия весел, в шахматной партии без борьбы побеждает, на флейте исполнит чарующую мелодию без знания музыкальных ладов, на лютне возьмет возвышенный аккорд, не зная порядка струн. Не уславливаясь о встрече заранее, он радушно встретит и проводит гостя. Стараясь соблюсти в его обществе обычные правила вежливости, чувствуешь себя погрязшим в мирской суете.

Заболеть и лишь после этого счесть здоровье сокровищем, окунуться в хлопоты и лишь после этого счесть покой счастьем — это не назовешь пронизательностью. Жить в счастье и знать, что оно корень несчастья, держаться за жизнь и знать, что в ней причина смерти, — вот дальновидное мнение.

Актеры покрывают лица пудрой и раскрашивают их красками, изображая красавцев и уродов. Но когда представление окончено и сцена пустеет, где пребывать красоте и уродству? Игроки в шахматы стремятся к победе, разменивая одну за другой свои фигуры. Но когда все фигуры разменены, что станет с соперниками?

Очарование цветов, раскачиваемых ветром, и чистота снегов, озаряемых луной, понятны только людям, отрешившимся от

мирской суеты. Прелесть свежей листвы и обнаженных ветвей над ручьем, красоту молодых побегов и старых стволов бамбука среди камней могут оценить лишь те, кто не ведают суетности.

Когда с простым крестьянином заговоришь о курятине и непроцеженном вине, он радостно подхватывает разговор. Когда его спросишь об изысканных яствах, он ничего не понимает. Если спросить его о халате, подбитом ватой, и грубой поддевке, он с готовностью отвечает. А спросишь об одеянии вельможи — он о нем и не ведаёт. Его натура целостна, поэтому желания его не идут далеко. Вот что самое возвышенное в человеческой жизни.

Сердце не есть то, чем оно является. Что же в нем созерцать? Будда говорил, что тот, кто занимается созерцанием своего сердца, воздвигает себе лишние преграды. Все вещи, по сути, — одна вещь. Зачем же доказывать их равенство? Чжуан-цзы¹¹ говорил, что тот, кто рассуждает о равенстве вещей, разбивает их единство.

Заслышав громкие звуки музыки и разгульные песни, бегу от них прочь, прикрываясь рукавом. Завидую прозревшему человеку, которому нипочем страсти мира. На исходе суток, в полночный час брожу без усталости в темноте, сокрушаясь о том, что род людской ввергнут в океан страданий.

Когда в душе нет твердости, отвернись от красок и звуков мира, дабы мирские соблазны не смущали сердце. Когда в душе появится стойкость, окунись в скверну мира, дабы сердце знало мирские соблазны и не смущалось ими.

Тот, кто привержен молчанию и не выносит шума, избегает людей и стремится к покою. Он не понимает, что желание не быть с людьми создает обманчивую идею подлинности своего «я», а стремление к покою лишь рождает душевное волнение. Как же ему постичь мир подлинного, где «другие» и «я» суть одно, а движение и покой равно забыты?

Жизнь в горах наполняет нас чистой радостью, и каждая вещь рождает возвышенные думы. Вид одинокого облака и дикого журавля заставляет задуматься о недостижимом и беспредельном. Встретив камень, омываемый быстрым потоком, мечтаешь о белоснежной чистоте. Прикасаясь к старому можже-

вельнику или замерзшей сливе, думаешь о несокрушимой стойкости. Дружа с чайками и оленями, невольно забываешь о своем «я». Но стоит только войти в суетный мир, и все вокруг тотчас будет увлекать вас в пучину опасностей и тревог.

Когда чувства созвучны природе, гуляешь босиком по душистой траве и дикие птицы в твоём присутствии забывают об осторожности. Когда сердце откликается пейзажу, сидишь в распахнутом халате среди опадающих цветов и белые облака ведут с тобой безмолвный разговор.

Все радости и несчастья людей созданы их собственными мыслями. Поэтому Будда говорил: «Страсти горят в душе, как пещь огненная». Трясина алчности и вожделения — океан страданий. Одна мысль о чистоте превращает пылающий костер в прохладный пруд. Одна мысль о прозрении — это лодка, переправляющая нас на «другой берег». К расхождению в помыслах, к различию состояний духа, к разнице в понимании вещей невозможно относиться небрежно и легкомысленно.

Веревка, которой тянут ведро из колодца, перетрет колодезный сруб. Вода по капле точит камень. Те, кто хотят познать истину, должны быть упорны. Вода сама находит себе дорогу. Созревший плод сам падает наземь. Те, кто обрели истину, следуют лишь зову естества.

Когда разум приходит к покою, начинаешь ценить свет луны и дуновение ветра и понимаешь, что в заботах мирской жизни нет необходимости. Когда в сердце своём ты далек от мирской суеты и ты не чувствуешь потребности красоваться перед людьми, зачем тосковать по безлюдным горам?

Когда цветы опадают, обнажаются скрытые в них семена. Когда наступают холода, летящая зола предвещает возвращение теплых дней. Жизнь всегда одолеет увядание и смерть. Кто это поймет, постигнет душу Неба и Земли.

После дождя в горном пейзаже открываешь новую красоту. В ночной тишине звук колокола особенно чист.

Когда восходишь на высоты, на сердце становится легко. Когда стоишь над рекой, мысли уносятся далеко. Когда читаешь книгу в снежную ночь, душа очищается. Когда напеваешь мелодию на вершине холма, чувствуешь прилив сил.

Если в сердце просторно, на гору золотых будешь смотреть, как на глиняный кувшин. Если в сердце тесно, каждый волосок будет казаться огромным, как тележная ось.

Вне ветра и луны, ив и цветов нет созидательной силы природы. Вне чувств и желаний нет жизни сердца. Нужно только чтобы вещи служили нам, а не мы им служили. Тогда всякое желание будет исходить от нашего естества, всякое чувство будет в согласии с истиной.

Тот, кто постиг в себе самого себя, может предоставить вещам быть тем, что они есть. Тот, кто возвратил Поднебесную Поднебесной, может пребывать вне мира, находясь в этом мире.

У человека праздного досужие мысли воруют жизнь. В человеке суетливом истинная природа не в силах проявить себя. Поэтому добродетельный муж не может не ведать страданий тела и души и не может не быть вольным, как ветер и луна.

Среди суеты человеческое сердце часто теряет свою непосредственность. Отрешись от мыслей, обрети покой — и ты будешь плыть вместе с облаками в небе, очищаться от пыли под струями дождя, радоваться, слушая пение птиц, и прозревать свое естество, созерцая опадающие цветы. Тогда для тебя не останется места, где бы не было дао, и не будет вещи, в которой не проявлялась бы вечная сила жизни.

Когда рождается ребенок, жизнь матери в опасности. Если ты скопил много денег, к тебе залезут воры. Нет радости, которая не сулила бы огорчений. Бедность научит воздержанию, болезнь — заботе о здоровье. Нет несчастья, которое не предвещало бы радости. Поэтому постигший истину человек не отделяет радость от огорчения, но забывает и о том, и о другом.

Если твой слух уподобится ущелью, которое вбирает в себя всякий ветер и никогда не задерживает его, то «истинное» и «ложное» перестанут существовать для тебя. Если твое сознание уподобится озаренному лунным светом пруду, который отражает все образы и ничего не удерживает, ты забудешь и о других, и о себе.

Обыкновенные люди опутаны мыслями о славе и выгоде, но в один голос клянут этот мир «грязным светом» и «океаном стра-

даний». Им неведомы ни белизна облаков, ни синева гор, ни проворство ручья, ни твердость камня. Они не знают, как цветы улыбаются птичьему щебету, а долины подхватывают песни дровосеков. Они не знают, что мир не грязен и в океане жизни нет страданий, а лишь их собственное сердце покрыто грязью и отягощено заботами.

Созерцать наполовину раскрывшиеся цветы, а за чашей вина лишь слегка захмелеть доставляет удовольствие. Вид осыпающихся цветов и разнузданного пьянства неприятен. Ко всему законченному и доведенному до предела нельзя не относиться настороженно.

Горные травы никто нарочно не поливает. Диких птиц никто нарочно не кормит. Но на вкус они душисты и нежны. Когда мы научимся не связывать себя условностями светской жизни, разве не очистимся мы и от ее зловония?

Прежде чем растить цветы и сажать бамбук, любоваться журавлями и наблюдать за рыбами, сначала обрети в себе покой. А если просто переселиться в красивую местность, сгрузить себя прелестными вещами, судить понаслышке о конфуцианской мудрости и твердить со слов Будды о пустоте всего сущего, то что же тут изысканного?

Мужи горных лесов терпят лишения, но без усилий предаются возвышенным думам. Крестьяне, работающие в поле, грубы и неотесанны, но не теряют природной непосредственности. Лучше умереть в глуши, сохранив чистоту духа и тела, чем потерять себя в обществе рыночных торговцев.

Непредназначенное тебе счастье, необоснованное приобретение, не уготовленная творцом всего сущего удача — это все западни, расставленные миром для людей. Если, натыкаясь на них, не задираешь кверху нос, непременно их обойдешь.

Наша жизнь, в сущности, кукольное представление. Нужно лишь держать нити в своих руках, не спутывать их, двигать ими по своей воле и самому решать, когда идти, а когда стоять, не позволять дергать за них другим, и тогда ты вознесешься над сценой.

Каждое совершенное нами дело наносит нам ущерб, оттого в Поднебесной не-делание всегда почиталось за счастье. Когда-

то один человек сказал в своих стихах: «Дав совет государю, не проси себе знатный титул. Победа в одном сражении дается ценою гибели тысяч людей». Говорится также: «Если в Поднебесной царит вечный мир, не жаль, коли в ножнах заржавеют мечи». Помните об этих словах, и тогда воинственные настроения в мире сами собой растают, как лед на солнце.

Похотливая женщина из-за любви к мужчинам становится монахиней. Пылкий человек из-за своей запальчивости уходит в монастырь. В благопристойном доме часто гнездится блуд и распутство. Так уж устроен мир.

Когда созерцаешь горные леса и бегущие по камням ручьи, сердце, замутненное мирской грязью, постепенно очищается. Когда вчитываешься в древние каноны и разглядываешь картины старинных мастеров, дух мирской пошлости мало-помалу рассеивается. Поэтому благородный муж, хотя и не предается легкомысленному любованию вещами, смотрится в мир, как в зеркало, и так исправляет свое сердце.

Весеннее цветение природы слишком волнует душу. Лучше внимать прохладному ветру и белым облакам осеннего дня, когда в воздухе носится аромат орхидей, а вода прозрачна и светла, как небосвод. В такую пору и душа, и тело становятся чище.

Тот, кто много накопил, многого лишится. Поэтому умудренность богача не сравнится с неведением бедняка. Тому, кто взобрался высоко, будет больно падать. Поэтому опытность знатного человека не сравнится с невозмутимостью простолюдина.

Пусть тело будет подобным отпущенной с привязи лодке, которая то плывет по течению, то застревает в затонах. Пусть сердце будет подобным засохшему дереву, которому не грозит, что его будут резать ножом или покрывать лаком.

ПРИМЕЧАНИЯ

Из «Гуань Инь-цзы»

¹ Цинь — древний струнный инструмент в Китае.

² В книге древнего даосского философа Чжуан-цзы данная фраза приписана мудрецу Лао-цзы, считающемуся родоначальником даосской традиции.

³ Великая Чистота — традиционный в Китае жизненный идеал.

⁴ Восемь пустынь — весь земной мир.

⁵ Философская мысль в Китае нацеливала на соединение разума и чувственной жизни в человеке и на приведение чувств человека в согласие с порядком мироздания.

Избранные чаньские изречения

¹ Т.е. если два человека спорят, только третий может разрешить их спор.

² Подношение цветов — буддийский обряд, символизирующий распространение благодати Будды.

³ Имеется в виду блаженная страна, о которой рассказывается в классической литературной утопии Китая — «Балладе о Персиковом источнике» поэта Тао Юаньмина.

⁴ В старом Китае деньги хранили в специальных бамбуковых пенах, запечатанных с одного конца.

Хун Цзычэн

Вкус корней

Собрание первое

¹ «Творец всего сущего» — идущее от Чжуан-цзы наименование дао. Надо заметить, что в даосской традиции Великий Путь превосходит личностный абсолют. Дао в китайской мысли воплощает предел уступчивости и поэтому «самому себе не принадлежит».

² «Регулирование дыхания», «созерцание сердца» — названия йогической практики в даосизме и буддизме.

³ В старину китайцы верили, что светлячки могут рождаться из гнилушек.

⁴ Вэймо — китайское имя буддийского святого Вималакирти.

⁵ Тыква-горлянка — символ всеобъемлюще-пустотной реальности дао и традиционный атрибут мудреца в облике бедного ученого.

⁶ Байша — литературный псевдоним ученого Чэнь Сяньчжана (1428—1499).

⁷ Имеется в виду как бы постоянно бодрствующее сознание, дающее способность контролировать все душевные движения.

⁸ Аллюзия на легенду о древнем философе Цзоу Яне. Согласно этой легенде, когда Цзоу Яня бросили в темницу по клеветническому доносу, с возмущенных небес в разгар лета посыпался иней.

⁹ Аллюзия на легенду о жене некоего полководца древности, которая несколько дней безутешно рыдала над телом мужа, и тогда стены вражеской крепости сами собой рухнули.

¹⁰ Цзюнь — китайская мера веса, равная приблизительно 18 кг.

¹¹ Данный образ восходит к известному фрагменту книги Чжуан-цзы, гласящему: «Вершей пользуются для ловли рыбы. Поймав рыбу, отбрасывают вершу. Силками пользуются для ловли зайца. Поймав зайца, забывают про силки. Словами пользуются для выражения смысла. Постигнув смысл, забывают про слова. Где же найти мне забытого слова человека, чтобы с ним поговорить?»

¹² Сюцай — обладатель низшего ученого звания в старом Китае.

Собрание второе

¹ Имеется в виду обитель блаженных небожителей.

² Пять озер — пять крупнейших озер Китая; здесь — весь мир.

³ Небывалый учитель — герой одного из произведений древнего поэта Сыма Сянжу.

⁴ По преданию, однажды древнему поэту Тао Юаньмину в день осеннего праздника принес вино юноша в белых одеждах.

⁵ Зеркало, висящее в небе, — луна.

⁶ Учитель мира — Будда.

⁷ Гатха — назидательное стихотворное произведение в буддийской традиции.

⁸ Чистая Земля — буддийский рай.

⁹ Цитируются строки поэта VIII в. Бо Цзюйи.

¹⁰ Цитируются слова поэта Чао Бучжи (1053—1110).

¹¹ Чжуан-цзы — даосский философ, живший на рубеже IV—III вв. до н.э.

¹² Тезис о зависимом характере существования служит в буддизме основанием учения об освобождении человека от бремени бытия.

ЖАНИЕ

ин. Язык сердца: афоризм и китайская традиция	5
Конфуция	15
инь-цзы"	25
чанг ие изречения	31
Вя корней	39
.....	77

Литературно-художественное издание

АФОРИЗМЫ СТАРОГО КИТАЯ

Издание второе, исправленное

Редактор *И.С. Смирнов*

Младший редактор *М.И. Новицкая*

Художник *Э.Л. Эрман*

Художественный редактор *Б.Л. Резников*

Технический редактор *В.П. Стуковнина*

Корректор *Н.Н. Щигорева*

ИБ N 157016

Сдано в набор 25.01.90.

Подписано к печати 31.05.90

Формат 84×108¹/₃₂. Бум. офсетная

Печать офсетная. Усл. п. л. 4,2.

Усл. кр.-отт. 4,62. Уч.-изд. л. 3,85.

Тираж 100 000 экз. Изд. № 7010

Зак. № 1727. Цена 2 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"

Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

Отпечатано с диапозитивов

в Ордена Ленина

типографии "Красный пролетарий",

103473, Москва, й-473, Краснопролетарская, 16

淡墨濃煙濕指頭先生中歲
特風流清齋坐對筆無煙不
羨人間博望侯

韋文侍郎風流文采輝映一時
此冊是先生中年作以居屢視
其靈氣往來如八十二筆也

АФОРИЗМЫ СТАРОГО КИТАЯ

